

ИРИНА БОГДАНОВА

*Амочая
летта*

Ирина Богданова

Многая лета

«Сибирская Благовонница»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 82.2 (2Рос=Рус) 6-44

Богданова И. А.

Многая лета / И. А. Богданова — «Сибирская Благовонница»,
2020

ISBN 978-5-00127-343-1

«Ты умеешь видеть радугу на горизонте», – скажет один из героев своей суженой. Наверное, кусочки этой радуги достаются и читателям, ведь популярность романов Ирины Богдановой возрастает с каждым годом. Новая книга перенесёт события в эпоху перемен, когда привычный уклад жизни ломается на две половины, где непонятно, в какой стороне находится истина, и только сердце может подсказать, куда следует двигаться, несмотря ни на какие трудности. В историческую канву сюжета прочно вплетены любовь и верность, предательство и прозрение, отчаяние и радость победы. С первых страниц книги увлекательное повествование затянет читателей в водоворот событий, где героям предстоит побороть зло, чтобы выстрадать и обрести своё трудное счастье.

УДК 821.161.1-3
ББК 82.2 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00127-343-1

© Богданова И. А., 2020
© Сибирская Благовонница, 2020

Содержание

Петроград,	6
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ирина Богданова

Многая лета

© Богданова И.А., текст, 2020

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление, 2020

* * *

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р22-221-3275

Петроград, 25 октября 1917 года

На улице стреляли. Отшатнувшись к стене, Фаина пропустила группу матросов, опоясанных пулемётными лентами. Они бежали молча, сосредоточенно. От их хмурых лиц на душе становилось тревожно и страшно. Наверное, нечто сходное чувствовали и другие пешеходы, потому что при звуках выстрелов начинали испуганно озираться и шарахаться из стороны в сторону, как испуганные зайцы. Фаина с завистью подумала, что, несмотря на стрельбу, они доберутся до дома и будут сидеть в безопасности, пить чай, в то время как ей совершенно некуда преклонить голову.

Поискав глазами на что присесть, Фаина обняла руками большой живот, кое-как прикрытый плюшевой телогреей. От резкого движения вязаный платок-паутинка сполз на плечи. Муж подарил платок перед их скоропалительным венчанием, чтобы ей было, что накинуть на голову в церкви.

Она всхлипнула. Во время венчания думала о счастье в уютном домике в предместье с люлькой-колыбелью, подвешенной к потолку, а досталась доля одинокой солдатки с дитём на руках. Отец, к которому она пришла рассказать о замужестве, долго молчал, а потом взял в руки вожжи и принялся охаживать её по спине, голове, лицу – куда попадал.

– Убирайся вон, шалава, чтоб духу твоего здесь не было! Явилась – не запылилась! На, тебе, папаша, мужнюю дочку – корми её, пои, прорву бесстыжую.

За порог родной избы она выскочила, понимая, что обратной дороги к отцу нет. Да и не надо! Его кулаки загнали в могилу мать, а дочке оставили тонкий белый шрам над левой бровью. Хорошо, что малая догадалась тогда спрятаться в кадку, а то он до смерти забил бы её.

Сама Фаина чуть не с малолетства перебивалась подённой работой – постирать, помыть, понянчиться с малышнёй – любой заработанной копеечке радовалась.

Потом пристроилась подсобницей стряпухи в богатый дом. Пока могла, работала. Ушла, когда до рождения ребёнка остался месяц, да и то только потому, что ноги опухли словно брёвна и спину ломило.

Чтобы передохнуть, Фаина одной рукой оперлась о стену, едва не завыв от острого чувства безысходности. Бездомной собаке и то лучше, потому что сука может забиться хотя бы под крыльцо сарая или дровяника и там принести щенков.

Свистел ветер, вздымая вверх мокрые листья и обрывки прокламаций вдоль улицы. Время шло к вечеру. Промозглые осенние сумерки накрывали город.

Внезапно ослабнув, она опустилась на холодные ступеньки парадного подъезда. Не оставалось сил идти дальше. В поисках крова она бродила с раннего утра, тыркаясь как слепой котёнок то к одним знакомым, то к другим, и везде получала отказ. Подруга Таня, горничная господ Раковых, сунула в руки ломаный калач и пару яиц:

– Извиняй, Файка, больше ничем помочь не могу – у нашей кухарки каждая корка на учёте, сама знаешь, с продуктами в городе туго.

Ещё бы ей не знать, если в последний месяц питалась впроголодь, отдавая за угол на чердаке всё заработанное на подённом. Война диктовала свои законы: люди беднели, работы с каждым днём становилось меньше и меньше. Как жить дальше, Фаина не знала.

Хозяйка, у которой она снимала койку, вытолкала едва ли не взащей. Марья даже глаза не прятала и походя бросила:

– Освобождай место, Файка. Я квартирантов с детьми не держу, а ты вот-вот опростась. Мужняя жена – вот и иди к родне мужа.

Легко сказать – родня мужа! А где она, родня, если всё, что Фаина успела узнать у супруга, это то, что Кондрат был родом из города Зарайска, двести вёрст далее Москвы.

Странно, но о муже в последнее время совершенно не думалось, словно бы их свадьба накануне отъезда на войну была театральной постановкой, что показывают на открытой сцене в летнем парке.

Уткнувшись головой в колени, Фаина переждала волну боли, которая прокатилась по позвоночнику и горячим комком заткнула горло. Сейчас она вся представляла собой пульсирующий комок боли и страха, но люди шли мимо, никому не было до неё дела.

«За ночь умру. Скорее бы», – подумала она с равнодушием. Не сразу поняла, что рядом с ней остановился мужчина в начищенных ботинках и тронул её за плечо:

– Эй, барышня, позвольте пройти.

Глухо замычав, Фаина откачнулась в сторону, но мужчина присел около неё на корточки, а потом спросил:

– Встать можешь? – и, увидев большой живот, решительно приказал: – Давай подымайся, пойдём со мной.

* * *

Когда во время ужина Оленька внезапно отшвырнула ложку и схватилась руками за живот, Василий Пантелеевич Шаргунов едва не упал в обморок от ужаса:

– Оленька, что?! Уже?

Закусив губу, жена посмотрела на него глазами, полными ужаса и смятения, и кивнула:

– Кажется, да.

Её огромный живот, туго обтянутый голубым шёлковым пеньюаром, мелко ходил ходуном, словно там внутри плескалась большая рыба.

Василий Пантелеевич с отчаянием охнул:

– Оля, потерпи, я сейчас телефонирую доктору.

Если тебе сорок пять лет, а жене около сорока, то неожиданное отцовство вполне способно выбить из колеи любого мужчину, а Василий Пантелеевич отнюдь не причислял себя к героям.

Натыкаясь то и дело на стулья, он бестолково заметался по комнате. Одной рукой попытался поддержать Олю, потом зачем-то переставил со стола на подоконник чайник, опрокинул чашку, задел рукавом домашней куртки сахарницу и вазочку с печеньем. Если бы в квартире оказался третий человек, он почувствовал бы себя увереннее, но кухарка была проходящей, а такую роскошь, как горничная, отменило нынешнее кризисное время. Будь оно трижды неладно!

– Вася, телефонный аппарат в прихожей, – успела подсказать Оля, прежде чем громко застонала от боли.

Руки тряслись, поэтому рожок телефонной трубки постоянно выскальзывал из пальцев. Момент появления наследника – а Василий Пантелеевич ждал только мальчика – давно был оговорён с семейным доктором. Но на том конце провода к аппарату подошла супруга Петра Ильича и твёрдо заявила, что под их окнами идёт бой и, само собою, Пётр Ильич на вызов прийти не может.

– Как не может?! – переходя на фальцет, закричал Василий Пантелеевич, но связь уже разъединилась, отдаваясь в трубке противными скрипами и шорохами.

Чтобы взять себя в руки, Василий Пантелеевич сбегал в комнату и прямо из носика опустошил половину чайника. Теплая вода пролилась на подбородок и оросила полы куртки. Жена коротко вскрикнула:

– Вася, поторопись, мне плохо!

Требовательный голос Оли дал толчок к активным действиям. Теряя на ходу туфли, Василий Пантелеевич бросился к справочнику «Весь Петербург». Хвала Всевышнему, раздел с врачами он догадался загодя заложить закладкой. Выбирать не приходилось, и Василий Пантелеевич обзванивал все номера наугад, пока, наконец, один абонент не отозвался. Торопливо перекрестившись, Василий Пантелеевич скороговоркой продиктовал адрес и метнулся к Оле, моля Бога только о том, чтобы врач успел добраться прежде, чем случится неизбежное.

* * *

Гражданский инженер Василий Пантелеевич Шаргунов женился около тридцати лет на дочери губернского землемера Оленьке Рекуновой, засидевшейся в девушках, потому что на момент сватовства ей исполнилось уже двадцать пять лет. Других женихов, кроме него, у Оленьки не намечалось. Не то чтобы она была нескладной или сварливой – совсем нет, но потенциальные претенденты на руку и сердце побаивались её решительного характера и громкого голоса с низкими басовитыми нотками. Кроме того, Оленька курила трубку, любила рассуждать о женской эмансипации и при первом же знакомстве с кавалерами сообщала, что ни за какие блага не станет домашней курицей, окружённой цыплятами, то бишь детьми.

На деле всё оказалось не так безнадежно, потому что, перейдя в разряд замужних дам, Оленька сменила привычки с поразительной быстротой и уже через год превратилась в уютную жёнушку, которая не чуждается вязать мужу тёплые жилетки, а по осени варить смородиновое варенье с желатином по особой рецептуре купцов Бахрушевых. Варенье, к слову, получалось отменным.

Шаргуновы жили обычной жизнью скромных обывателей: на лето снимали дачу в Павловске, зимой посещали театры и галереи, иногда давали званые ужины или ходили к приятелям играть в лото и раскладывать пасьянс. Детей Бог не посылал, но они об этом не особо печалились, тем более что Василий Пантелеевич уважал тишину и покой, а дети, как известно, источник не только дополнительных расходов, но и большого шума.

Начало Великой войны застало господина Шаргунова в должности инспектора строительного департамента. Нельзя сказать, чтобы война грянула неожиданно: в столичном воздухе Санкт-Петербурга давно носилось предчувствие перемен, принимающее дикие и странные формы самоубийств, бесчинств по-клоунски раскрашенных футуристов и повального увлечения спиритическими сеансами. Уж насколько скептически был настроен к сему действу Василий Пантелеевич, но и он поддался на уговоры жены и пару раз принял участие в столоверчении с вызовом духа убиенного императора Павла Первого.

Сейчас Василий Пантелеевич со стыдом вспоминал душный салон с потушенным электричеством и замогильный голос госпожи Бабочкиной, утробно задающий вопросы о грядущем конце света. Присутствующие сидели, сцепив руки, и барышня по левую сторону постоянно истерически вздрагивала и норовила прижаться коленкой к его ноге. Заметив поползновения соседки, Оля учинила ему маленький скандалчик и на спиритические сеансы ходить перестала.

Сигналом к началу войны стали выстрелы Гаврилы Принципа, члена тайной организации «Молодая Босния». Недрогнувшей рукой он застрелил в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его жену. Через месяц Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Чтобы не оставить в беде православных сербских братушек, в России вышел указ о всеобщей мобилизации. Германия потребовала его отмены, а получив отказ, объявила войну России.

В тот день город стал похож на скаковую лошадь, которой внезапно дали шпоры. Люди куда-то бежали, мальчишки-разносчики газет кричали, дворники по приказу хозяев вывешивали российские флаги, обыватели за обедом поднимали чарки за победу русского оружия, а

юные гимназистки возбуждённо перешёптывались и планировали вязать носки для храбрых солдат.

– Боже, царя храни! – реяло над растревоженной толпой горожан, что с боковых улиц двигалась в направлении Дворцовой площади.

Повинуясь общему подъёму, Василий Пантелеевич с супругой тоже пошли на площадь. Стоя на балконе Зимнего дворца, император вскинул голову и произнёс несколько слов, утонувших в многоголосой массе народа.

Утром газеты сообщили, что за прошедшую ночь на Невском проспекте разграбили немецкие магазины и побили витрины. Особенно пострадало германское посольство на Исаакиевской площади. Его тяжёлое здание, увенчанное фигурами обнажённых тевтонов с конями, казалось нестерпимой насмешкой над чувствами патриотов. Три дня на Большой Морской улице валялись выломанные решётки и пустые сейфы, а колёса конных экипажей проезжали по раскиданным документам и бухгалтерским книгам. Наконец, с крыши на мостовую сбросили голых великанов, и многие, проходя мимо, норовили плюнуть в бронзовые лица ни в чём не повинных скульптур.

Одной из первых в театр военных действий выдвинулась гвардия, и почти сразу газеты стали публиковать списки убитых и раненых.

Российская армия несла крупные потери, и на смену уверенности в победе по домам петербуржцев стали кочевать разговоры, что война может затянуться на долгие месяцы и, может быть, даже на год или на два.

Как-то раз поутру, отправляясь в департамент, Василий Пантелеевич увидел табун зелёных лошадей, который рысями шёл вдоль Петергофского проспекта. Сперва он подумал, что сошёл с ума, и даже приложил руку ко лбу – проверить, нет ли горячки, и лишь в последующий момент сообразил что-то насчёт военной маскировки.

– Фантазмагория, – пробормотал себе под нос Василий Пантелеевич, ещё не предполагая, что вскорости это слово станет определять всю последующую жизнь Российской державы.

Когда в августе 1914 года Санкт-Петербург переименовали в Петроград, Василий Пантелеевич, обращаясь к жене, сказал:

– Ну, всё! Прощаемся, Оля, со стольным градом Петровым, потому что меняющий имя меняет и судьбу.

Словно затяжная зима, война шла и шла, по ходу собирая свою страшную кровавую дань. На улицах замелькали белые косынки сестёр милосердия, застучали по мостовым костыли покалеченных, а у продовольственных лавок выросли очереди, которые стали называться хвостами.

Цены на продукты пухли буквально на глазах. Подумать страшно: хлеб с четырёх копеек за фунт вырос до шести копеек! А про селёдку и вымолвить боязно, потому как она вздорожала до тридцати копеек с четырёх! Ропот на дороговизну подталкивал людей к недовольству правительством, и когда начались перебои с продовольствием, стало казаться, что поднеси спичку к горячим слухам и пересудам, и город запылает...

* * *

К началу семнадцатого года с прилавков окончательно исчезли мясо, масло и мука. Рыночные торговцы за любую мелочь драли втридорога. Очереди за хлебом выстраивались с полуночи. Подогретые нехваткой продовольствия, на заводах полыхали рабочие волнения, а двадцать третьего февраля¹ улицы заполнили женщины с пустыми кастрюлями в руках. На своём веку город видел немало демонстраций, то эта – кастрюльно-женская – повергла Василия

¹ 23 февраля – 8 марта по новому стилю.

Пантелеевича в особенно гнетущее ощущение предгрозовой тревоги. Он растерянно посмотрел на жену и, к вящему удивлению, увидел в её глазах искры восторга.

– Вася, неужели ты не чувствуешь, какая мощь и сила идёт от этой толпы? Здесь всё сермяжное, народное, истинное!

Прильнув к окну, Оля приветственно махнула рукой, и какая-то женщина из середины людской массы в ответ подняла вверх помятую медную кастрюлю, больше похожую на ночную вазу. Василий Пантелеевич был повержен и разбит в пух и прах. На нервной почве он закрылся в кабинете с бокалом шампанского и попытался перечитать «Женитьбу Фигаро», но вскоре оставил безуспешные попытки отвлекаться. Он прикорнул на кушетке в надежде, что к утру революционные настроения пойдут на спад и народ одумается.

В марте 1917 года император Николай Второй отрёкся от престола. На следующий день отказался от власти его брат, великий князь Михаил Александрович, и российское самодержавие перестало существовать.

Когда в газетах появился Высочайший манифест об отречении государя, Шаргуновы были в церкви. Пришли по случаю именин Ольгиной матушки. Прихожан набилось много, и уже с притвора пришлось протискиваться вдоль стены. Лица молящихся мягко и тускло освещало пламя свечей. Запах ладана как будто смешивался с тихими словами, летящими с сухих губ.

– Господи, помилуй Россию, – прошептала высокая старуха в чёрном.

Люди колыхнулись, когда на амвон вышел протоиерей, отец. Его согбенная фигура свидетельствовала о каком-то страшном несчастье.

– Братья и сёстры... – Всегда громогласный протоиерей захлёбывался от слёз.

От враз установившейся тишины у Василия Пантелеевича зазвенело в ушах. Найдя руку Оли, он стиснул её пальцы в тонкой перчатке.

– Братья и сёстры! – Отец протоиерей поднёс к глазам лист прокламации и стал медленно зачитывать манифест об отречении императора:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть.

Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушительном единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повинующимся Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России»².

² Акт отречения от престола императора Николая II. 02.03.1917. Проект Российского военно-исторического общества

– Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас, – на весь храм заблуждала хромая Агаша, что побиралась на Нарвской стороне близ Обводного канала.

Казалось бы, какая корысть нищенке, что за власть на дворе? Ан нет, она воеет, рвёт на себе волосы, в то время как хорошо одетые господа ухмыляются. И студентики в тёмно-серых мундирах радуются как дети, только что выменявшие новую игрушку на смятый конфетный фантик, и дамочки в собольих шубках восторженно переглядываются, и нарядные барышни, вместо того чтоб заплакать, с любопытством охают:

– Ой что будет! Ой что будет!

– Святой Боже, Святой крепкий... – продолжала выводить Агаша.

«Это конец, – с отчётливой ясностью понял Василий Пантелеевич. – Конец прежней жизни, конец покою, конец свободе, конец патриархальной России!»

В поисках поддержки он оглянулся, по пути перехватив взгляд Оли. Она стояла, прижав ладони к щекам, и остекленевшим взглядом смотрела вверх голов. Старик-городовой рыдал как ребёнок. Девушки-гимназистки с пылающими щеками пробирались к выходу.

– Хаос, фантазмагория, бег зелёных лошадей, – сказал Василий Пантелеевич, прежде чем церковный колокол с глухим отчаянием ударил в набат.

* * *

Дальнейшая жизнь в России характеризовалась чудовищной смесью фарса и безумия, от которой хотелось забиться в берлогу и проснуться, когда в стране вновь воцарятся покой и порядок. Февральская революция, Временное правительство во главе с князем Львовым, мелькание сомнительных государственных личностей: Гучков, Милюков, Керенский, Родзянко. События последних месяцев представлялись Василию Пантелеевичу в кошмарах табуном зелёных лошадей, что несутся в бешеной скачке на пути в пропасть. Ребёнок ли на пути, женщина, старуха с клюкой – всё едино, растопчут и не заметят.

Дошло до того, что Оле пора рожать, а у врача, видите ли, под окнами стреляют! Счастье, что удалось найти хоть какого-то лекаря!

На всякий случай Василий Пантелеевич сбегал в прихожую и снял цепочку, чтобы скорее отворить доктору дверь. Предпринятые действия показались ему не лишними, потому что от нервного расстройства пальцы не слушались и дёргали запор в другую сторону. На улице снова грянули выстрелы.

Перекрестившись, Василий Пантелеевич оборотился к иконе и понял, что его трясёт, как пассажира на втором ярусе конного экипажа.

– Вася, я больше не могу ждать! – закричала Оля.

– Олюшка, потерпи! – не своим голосом взвыл Василий Пантелеевич. – Доктор обещал скоро быть.

Почему-то на цыпочках он перебежал коридор и заглянул в спальню. Жена стояла на коленях и держалась руками за спинку кровати. Круглая тень от её головы расплывалась на потолке.

И в этот самый момент, когда Василий Пантелеевич уже был готов колотить лбом о стену, он услышал стук в дверь, словно бы ломилась огромная кошка.

– Слава Тебе, Господи!

Не спрашивая, Василий Пантелеевич распахнул дверь и увидел молодого человека с сак-вождем, который ташил на себе растрёпанную беременную женщину.

– Вы кто? – едва владея собой, воскликнул хозяин и собирался закрыть дверь, но молодой человек вставил в щель ногу и сказал:

– Я доктор. Вызывали?

– Да, наконец-то! Проходите! – нервно потирая дрожащие руки, засуетился Василий Пантелеевич. – А эта дама кто? – он указал на женщину, и врач коротко ответил:

– Роженица.

– Ещё одна? – с испугом прошептал Василий Пантелеевич, перестав окончательно понимать происходящее.

– Так случилось. Устройте её куда-нибудь, а мне покажите, где вымыть руки. Надеюсь, вы подготовили горячую воду.

Василий Пантелеевич оторопел:

– Воду?

– Именно. Мне надо много горячей воды. Несколько чайников. И чистые простыни, и полотенца.

Словно куль с мукой, доктор перевалил женщину на руки Василию Пантелеевичу и поспешил на стон из спальни.

Тусклый свет лампы едва позволял разглядеть лицо женщины. Оно показалось Василию Пантелеевичу детским. Вцепившись ему в рукав куртки, женщина выгнулась дугой и надсадно замычала.

Не зная, что предпринять, Василий Пантелеевич едва ли ни силой потащил её в помещение для прислуги, находящуюся напротив туалетной комнаты. Судя по неуверенным движениям и диким взглядам, она, похоже, совсем обезумела.

В комнатёнке давно никто не жил, в застоявшемся воздухе пахло пылью и сыростью. Василий Пантелеевич опустил свою ношу на узкую койку, застеленную пикейным покрывалом, и женщина коротко поблагодарила его кивком головы. Видимо, она не могла говорить.

В это время, как на грех, потухло электричество, что в последнее время случалось с досадной регулярностью. Перебирая руками по стене, Василий Пантелеевич заметался в поисках свечей. В разных концах квартиры кричали женщины. Доктор требовал света, горячей воды и чистых полотенец. С закатанными рукавами он бегал от одной пациентки к другой. В темноте коридора его лицо мелькало светлым пятном.

Когда доктор в очередной раз пробежал мимо, Василий Пантелеевич закатил глаза и рухнул на пол. Последним, что запечатлелось в мозгу, был недовольный возглас доктора:

– Только этого ещё не хватало!

* * *

По щекам назойливо хлестало что-то горячее и мокрое. Не желая выныривать из состояния покоя, Василий Пантелеевич крепче смежил веки, но в тот же момент понял, что придётся открыть глаза. Усилием воли он шевельнулся и нечетким зрением увидел незнакомца, сидящего около него на корточках. Свёрнутым в жгут мокрым полотенцем мужчина ещё раз шлёпнул его по щеке:

– Господин Шаргунов, очнитесь! Идите к жене!

«Ах, да! Оля, ребёнок, вызов доктора», – припомнил Василий Пантелеевич.

В следующее мгновение он встрепенулся и уже осмысленно спросил:

– Всё закончилось?

– Да, – кивнул доктор. – Вас можно поздравить.

Василий Пантелеевич не сразу понял, что электричество снова горит, что стоны из спальни стихли. Когда он с помощью доктора поднялся, ноги дрожали.

– Оля! Олюшка!

Василий Пантелеевич шагнул в спальню. Смятые подушки, смятые простыни, спускающиеся до полу, смятое лицо Оли.

– Оля, милая! – Опустившись на край кровати, Василий Пантелеевич припал губами к Олиной руке. – Доктор сказал, что всё хорошо! – Он поискал глазами младенца. – Но где наш сын?

– Сын? – Голос Оли звучал спокойно и устало. – Почему ты решил, что у нас сын? У нас дочь.

– Как?

Хотя известие поразило его до глубины души, Василий Пантелеевич понял, что даже ради всех сыновей на свете не готов ещё раз пережить подобную ночь. Девочка так девочка. Девочки тоже люди. Устыдившись своих мыслей, он постарался побороть растерянность.

– Да, девочка, – подтвердила Оля. – Её доктор унёс. Сказал, что мне надо отдохнуть.

Жена закрыла глаза и немедленно уснула, а Василий Пантелеевич обернулся к доктору.

Тот кивнул головой в сторону кровати:

– Вашей супруге пришлось трудно. Пусть она поспит. Пойдёмте.

Василий Пантелеевич покорно потрусил за доктором, который уверенно прошёл в комнату для прислуги.

– Пожалуйста удостовериться, господин Шаргунов, ваш ребёнок в целости и сохранности.

Василий Пантелеевич увидел полулежавшую на кровати женщину, которая прижимала к себе два совершенно одинаковых свёртка.

Женщина подняла голову и робко улыбнулась чуть припухшими губами.

– В вашей квартире сегодня появились на свет две девочки, – сказал доктор.

Василий Пантелеевич забеспокоился:

– И какая из них моя? Правая или левая? Вы их не перепутали?

От волнения он начал пришепёвывать, что с ним случилось единственный раз на выпускном экзамене в гимназии.

– никоим образом не перепутали, – заверил врач. – Запомните, ваш ребёнок помечен тесёмкой на ножке, – он кивнул головой, и женщина подала ему левый свёрток. – Вот ваша красавица, знакомьтесь.

В момент, когда взгляд Василия Пантелеевича остановился на крохотном личике в обрамлении белой простыни, ему показалось, что Земля остановила вращение и они вместе с новорождённой дочкой оказались где-то посреди двух миров – действительным и нереальным, сотканным из звёзд и ветров.

У крохотной девочки были голубые глазки, тёмные бровки, и она умела моргать и морщить лобик!

Настигший Василия Пантелеевича восторг оказался такой силы, что по щекам потоком хлынули слёзы.

– Господи, спасибо Тебе за это чудо! – прошептал он и посмотрел на доктора. – Господин доктор, сколько я вам должен за подобное счастье?

Доктор неопределённо хмыкнул:

– Вообще-то счастье бесценно, но в качестве компенсации я попрошу вас позаботиться о Фаине, – он указал на лежащую женщину. – Понимаю, время трудное, но ей надо окрепнуть и встать на ноги. Проявите милосердие.

– Конечно, конечно, – забормотал Василий Пантелеевич, – не беспокойтесь. Мы с Ольгой Петровной всегда рады гостям. И приютим, и накормим, и напоим.

Он не был уверен, что Оля разделит его мнение, но в приливе благодарности за дочь мог пообещать что угодно, хоть свой любимый портфель из крокодиловой кожи, подаренный сослуживцами на сорокалетний юбилей.

* * *

На улице грянул взрыв такой силы, что задрожали стёкла. Приподнявшись на локте, Фаина заглянула в лицо сначала одной девочке, потом другой. Они обе лежали рядом – два одинаковых тёплых кулёчка. Доктор попросил присмотреть за дочкой хозяев, потому что хозяйка ослабла и ей необходим отдых, а она, Фаина, молодая и крепкая.

Очень хотелось пить. Протянув руку, Фаина взяла с тумбочки стакан сладкого чая и жадно сделала несколько больших глотков, ощущая, как к ней возвращаются силы.

Если бы несколько часов назад, когда она замерзала на холодных ступеньках, кто-нибудь сказал, что утро она встретит уже мамой в кровати под тёплым одеялом в вышитом пододеяльнике... со стаканом малинового чая! В узкое окно заглядывал жидкий рассвет, освещая высокий комод с тремя ящиками и глянцевые плитки тыльной стороны камина по дальней стенке. Господи, хоть бы подольше остаться в этой чудесной комнатке с обоями в мелкий цветочек и широким подоконником, на который можно поставить горшок с геранью! Большого нынче и желать трудно.

Повернувшись на бок, Фаина одной рукой обняла сразу двух девочек и вздохнула. Родились в один день, в один час, а судьба их ждёт совсем разная. И которая-то из них наверняка будет счастливее, чем другая. Кабы знать, кому из двух уготовано счастье, да поменять местами, чтобы оно точно досталось её дочери! Вот и хозяину стукнуло в голову, что можно детей перепутать. Эх, вот и образованный человек, а не понимает, что никогда мать не перепутает своё дитяtko, если хоть единый миг побаякала его. Ей стало стыдно своих грешных мыслей, и она посмотрела на икону в углу:

– И не введи нас, Господи, во искушение, и избави нас от лукавого. На всё Твоя воля, пусть обе девочки будут счастливы, и даруй им многая лета!

Выстрелы на улице стали звучать чаще и громче, и Фаина снова возблагодарила Бога за предоставленный кров. Ей теперь было очень страшно за свою кроху, что могла бы умереть от пули, так и не появившись на свет. Скорее бы закончилась неразбериха в государстве, чтобы можно было обрести хоть какой-то угол да выправить пенсию за погибшего мужа. Авось и удастся вывести ребёнка в люди и не сгинуть в кровавой каше, что заваривается сейчас в России.

Днём в поисках угла она прошла мимо Дворцовой площади, застроенной баррикадами из дров. Готовясь к обороне, солдаты таскали мешки с песком. Щетинились штыками батальоны, и крики вокруг раздавались короткие, злые, как ножевые удары. Радовались происходящему только мальчишки, что с лихим интересом шныряли между взрослыми.

Уходя, хозяин выключил свет, и от занавесок по потолку скользили расплывчатые тени, похожие на облака. Усталое тело казалось пустым и невесомым. Фаина прислушалась к лёгкому сопению двух носиков, перекрестила девочек и заснула чутким сном своего первого дня материнства.

* * *

Первыми словами, произнесёнными наутро Ольгой Петровной, были:

– Вася, а ты уверен, что наша девочка действительно наша? Доктор сказал, что повязал на ножку тесёмочку. Проверь.

Василий Пантелеевич растерялся, потому что сам вопрос предполагал пеленание, которое представлялось очень сложным искусством для любого мужчины. Казалось, что крохотные ручки, ножки, пальчики способны переломиться от одного взгляда, не то что от прикосновения. А если ребёнок, упаси боже, испачкал пелёнки? Что тогда предпринять?

Василий Пантелеевич мысленно вознёс к небесам молитву и лишь только потом неумело вытащил заправленный в складку край пелёнки.

Ярко-зелёная тесёмочка на правой ножке была на месте. Держа дочку на отлёте, Василий Пантелеевич положил её Оле на колени, удивлённо отметив, что Оля посмотрела на новорождённую скорее с досадой, чем с любовью.

– Странно, я вчера не заметила, что у неё синяк под глазом. И лоб какой-то жёлтенький. – Оля пристально исследовала взглядом каждый сантиметр крохотного личика. – А та, другая девочка, тоже такая... – она затруднилась с определением, – ... такая помятая?

– Я не разглядывал, – сказал Василий Пантелеевич, – она спит у матери на руках.

– Кстати, я так и не поняла, откуда в нашем доме взялась ещё одна женщина. Доктор что-то объяснял, но мне было не до разговоров.

– Я тоже не очень понял. Доктор её с собой притащил. Совсем молоденькая, примерно лет восемнадцати. Говорит, вдова солдата. Зовут Фаина. Не выгонять же её на улицу, да и доктор гонорар не взял, а попросил приютить свою протеже, пока та не окрепнет.

Не обращая внимания на ребёнка, Оля откинулась на подушки и прикрыла глаза:

– Уходи, Вася, и дочь унеси, я устала. Пусть эта Фаина её покормит.

* * *

Фаина никак не могла назвать дочку. Прикидывала так и этак, но всё, что приходило на ум, казалось неподходящим. То вспомнила золотушную Маньку, дочку прачки, что ругалась крепче извозчика, то гулящую Палашку с косым глазом. Хотела было назвать Танюшкой, но вспомнила про несчастливое замужество своей тёти Тани.

Имя – оно ведь как судьба, даётся навсегда, ошибиться нельзя.

Поэтому, когда Василий Пантелеевич пригласил для крещения батюшку, она обрадовалась. Пусть священник подскажет, так оно вернее получится. Как сказал Василий Пантелеевич, хозяйскую дочку решили назвать Элеонорой, по-простому Еленой, в честь бабушки Ольги Петровны.

«Красивое имя, господское, – подумала Фаина, – с таким имечком надо ходить в шелках и бархате, а по утрам пить кофе из фарфорового сервиза с золотым ободком».

Но приглашённый батюшка оказался суровым. Пригладив волосы, он поправил скуфейку, помолился перед иконами и заявил:

– Обоих крещаемых нарекаю по святым. – Сухими пальцами он полистал молитвослов в шагреновом переплёте и поднял глаза на Василия Пантелеевича и Фаину. Ольга Петровна чувствовала лёгкий жар и поэтому с кровати не встала. – Сию деву нарекаю Анастасией, – он показал на Фаину с ребёнком на руках, а сию – Капитолиной.

– Но Ольга Петровна хотела Элеонорой, – заупрямился Василий Пантелеевич.

– Капитолина, – бескомпромиссно отрезал батюшка, – взгляните в окно, какое время трудное им выпало. Сейчас надо особо правила соблюдать, ведь неизвестно, что этих детей ждёт. Пусть хоть здесь своеволием не нагрешим.

На улице и вправду стреляли, и толпа матросов в шальном угаре пьяно орала всяческие непотребства.

* * *

«Удивительно, какую метаморфозу могут претерпеть человеческие чувства», – подумала Ольга Петровна, уныло разглядывая осенний пейзаж на стене спальни. Пейзаж она намалевала лично, ещё в барышнях, и очень гордилась найденным колером золотистой листвы на фоне

трёх белоствольных берёзок у пруда с чёрной водой. Кое-где на воде играли серебристые блики, и вдалеке у кромки воды приткнулась старая лодка.

Там, в беззаботной юности, зрелая жизнь казалась чередой открытий и праздников, а на деле вышло спокойное, можно сказать, бесцветное существование, к которому теперь прибавились трудности в виде ребёнка. Наверное, она слишком долго ждала дитя, и любовь в сердце успела перегореть в горстку пепла. Кроме прочего, ей уже хочется покоя, а не криков по ночам и не топота детских ножек. Няню нынче днём с огнём не сыщешь, да и платить ей нечем – жалованье Василию Пантелеевичу задерживают, цены на продовольствие дикие, на носу зима, а значит, придётся оплачивать отопление. Может и к лучшему, что доктор подобрал на улице готовую кормилицу. Ольга Петровна никак не могла назвать Фаину по имени, потому что за неделю видела её лишь однажды, когда та принесла ей дочку после крестин.

– Олюшка, ты только не переживай, но отец Макарий окрестил нашу дочь Капитолиной, – примирительно произнёс муж, поглаживая по плечу.

Ольга Петровна стяхнула его руку. Поднявшееся в груди раздражение оказалось так сильно, что она едва сумела выдать:

– Капитолина так Капитолина. Мне всё равно. И знаешь что, Вася?

– Что? – Он посветлел лицом. – Я всё для тебя сделаю.

Ольга Петровна вздохнула:

– Поговори с кормилицей, вдруг она согласится остаться в нянях без жалованья, работая за стол и проживание?

* * *

– Остаться у вас? Ухаживать за ребёнком? – Фаина во все глаза смотрела на Василия Пантелеевича и не могла опомниться от счастья.

Когда Василий Пантелеевич сказал, что не сможет платить ей жалованья и предлагает работу за кров и стол, Фаина замахала руками:

– Что вы, что вы! Я согласна! Век вам буду благодарна!

Ей показалось, что хозяин тоже обрадовался, и его напряжённый взгляд стал спокойным и тёплым. Тыльной стороной ладони он потёр щеку с пробивающейся щетиной:

– Вот и славно. Значит, договорились!

– Вы не пожалеете, я умею хорошо работать! – горячо произнесла Фаина, всё ещё боясь, что он передумает и скажет ей, что пора очистить помещение, и она превратится в бездомную собаку, обречённую на голодную смерть.

Едва за Василием Пантелеевичем закрылась дверь, она бросилась на колени перед иконой:

– Господи, спасибо Тебе! В добрый час Ты привёл меня к этому дому и поставил на пути доброго человека, доктора!

От великой благодарности и любви, заполонившей сердце, Фаина расплакалась. Неужели бывает так, чтобы из печали да сразу в радость? Словно бы из горячей избы на волю вырвалась. Всю прошлую ночь она мучительно обдумывала своё положение и не находила выхода. Фабрики бастуют и не набирают работников, в Петербурге волнения и неразбериха, а значит, подённой работы тоже не сыскать. А куда девать ребёнка? Чтобы не умереть с голоду, оставалось одно – отдать Настёну в приют в чужие руки. Одна мысль о подобном бросала в холодный пот. Отказ от своего дитятки представлялся хуже смерти.

Не вставая с колен, Фаина передвинулась к койке и уткнулась лбом в два белых свёртка, лежащих рядышком.

– Обещаю, что буду любить вас обеих, потому что знаю, каково это – расти без родительской ласки.

Словно поняв, о чём речь, хозяйская Капа по-мышьиному пискнула тоненьким голоском, и Фаина вздохнула – после крестин барыня ещё ни разу не поинтересовалась, как там дочка. Да и сама Фаина пока не видела хозяйку. Надо пойти, познакомиться.

За те несколько дней, что Фаина прожила в квартире, она выходила только в туалет и ванную. Двери туалета и ванной комнаты были расположены вплотную с её клетушкой, представлявшейся чудесными хоромами. Теперь почти своими. Под кроватью обнаружился пустой сундук, куда прекрасно поместился узелок с нехитрыми вещами. На подоконник Фаина поставила подарок мужа – алюминиевую кружку с тиснёным узором. Вот и всё, что осталось на память об их скоротечной любви. Так и не узнал солдат, что стал отцом, сгинул на фронте в безымянной могиле, и косточки в чужой земле истлеют. Царствие ему Небесное.

Фаина прислушалась к стуку на кухне и поняла, что пришла кухарка. Пару раз она заглядывала к Фаине, чтобы принести еду, забрать грязное бельё и выдать стопку простыней и пелёнок. На вид кухарке было лет сорок. Высокая, костистая, с острым подбородком и недоверчивыми глазами.

Ставя на столик поднос с тарелками, она остановила взгляд на ребёнке и хмыкнула:

– Нагуляла небось дитё-то?

– Почему нагуляла? – с трудом произнесла Фаина. Во время родов она так накусила губы, что до сих пор чувствовала во рту вкус крови. – Я вдова. Мужа на войне убили.

– Все вы нынче вдовы. – Кухарка говорила отрывисто, недобро. – Язык-то без костей, мели что хочешь.

Нахмурившись, Фаина сердито бросила:

– Побожиться, что ли?

– Да ладно, не серчай, – лицо кухарки чуть смягчилось, – это я так брякнула, ради разговору. Не каждый день хозяева побродяжек в дом пускают. Может, ты воровка какая? На тебе ведь не написано, честная или нет. Мне что? У меня красть нечего. – Она пожалала плечами и, не дав Фаине опомниться, гордо удалилась, всем своим видом показывая, кто здесь главный.

Ни встречаться, ни разговаривать с кухаркой не хотелось, но раз уж судьба привела сюда, то придётся кухарке смириться с новым человеком, точнее с тремя людьми. Фаина взглянула на девочек и улыбнулась:

– Идите ко мне, мои ягодки, пошли осматривать хоромы.

Дверь комнаты для прислуги выходила в просторную кухню с плитой посредине. Кухарка, что рубила сечкой капусту, подняла голову:

– Хозяйка сказала, тебя в няньки взяли?

Фаина кивнула:

– Да.

– Ну, раз так, давай знакомиться. Зови меня Татьяна. – Она усмехнулась и добавила: – Ивановна. Я уважение люблю. – Татьяна Ивановна бросила сечку и кивнула головой в сторону окна. – Слыхала, что наемни солдатики Зимний дворец взяли и правительство турнули? Людишки болтают, наша теперь власть – народная. Делай что хошь!

– Это как? – Фаина почувствовала, что сбита с толку.

– Пока не знаю, – Татьяна Ивановна пристукнула кулаком о ладонь, – но думаю, что жизнь теперь настанет распрекрасная!

* * *

Поскольку из кухни был черный ход на улицу, то у Фаины не возникало нужды ходить на господскую половину квартиры, и хозяйку Ольгу Петровну она увидела лишь на второй неделе своей жизни на новом месте. Крупная женщина в стёганом мужском шлафроке с атлас-

ными отворотами вошла в кухню, когда Фаина следила, как в большой кастрюле вывариваются пелёнки и подгузники.

У барыни были пепельные волосы, небрежно свёрнутые валиком на затылке, широко расставленные серые глаза и аккуратный носик сапожком. Фаина отметила тусклый взгляд хозяйки и её шаркающую старушечью походку.

– Здравствуйте, – робко сказала Фаина. В руках она держала по ребёнку и не знала, то ли подойти к Ольге Петровне показать Капитолину, то ли, наоборот, быстрее скрыться с глаз в своей комнате, благо она в двух шагах.

– Здравствуй, – голос хозяйки поражал равнодушием. – Кажется, тебя зовут Фаина?

– Да, – Фаина улыбнулась и после неловкой паузы добавила: – у вашей Капитолины хороший аппетит. Слава Богу, у меня много молока.

– Неужели? – Ольга Петровна взяла со стола сахарницу и поставила её на поднос.

Немного поколебавшись, Фаина сделала шаг вперёд:

– Посмотрите, как у неё округлились щёчки.

– Вот и славно.

Мельком взглянув на дочку, Ольга Петровна взяла в руки поднос и медленно пошла к себе в комнаты, сразу утонув в темноте коридора.

* * *

Прекрасная жизнь, которую вскорости ожидала кухарка Татьяна, явно запаздывала. Зима тысяча девятьсот восемнадцатого года надвигалась холодная и голодная.

Василий Пантелеевич подумал, что городская власть сейчас напоминает сорвавшегося цепного пса, который в предчувствии расправы лютует от страха. В департаменте царила полная неразбериха. Директор бросил пост и уехал за границу, по кабинетам шмыгали юноши в кожанках, с пистолетами в деревянной кобуре и прокуренные солдаты со споротыми погонами. В секретариате печи растапливали документами. О выплате жалованья речь не шла, да и чем платить, если деньги буквально на глазах из платёжного средства превратились в разноцветные кусочки бумаги, годные разве что для оклейки стен.

Царь под арестом, Временное правительство в казематах Петропавловской крепости, а в Смольном институте заседает неведомый Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов под председательством мелкого провинциального адвокатишки без практики, с кличкой Ленин вместо фамилии.

«Фантазмагория и бег зелёных лошадей! Не надо было городу менять имя! – с тягучей тоской припомнил своё пророчество Василий Пантелеевич. – Куда ни глянь – везде худо!»

Да ещё Оля дурит: дочку игнорирует, почти не выходит из спальни, снова начала курить трубку и дымит как паровоз, часами простаивая у открытой форточки.

Кабы не эта проклятушая революция, то показать бы Олю лучшим врачам, да свозить на воды, вот хоть даже в Пятигорск! Глядишь, и опомнилась бы от послеродовой истерии. Повезло, что доктор едва ли не волоком притащил к ним Фаину, иначе хоть криком кричи от собственного бессилия.

Вздыхнув, Василий Пантелеевич нырнул в подворотню, чтобы пропустить группу матросов во главе с рослым командиром. На плечах командира красовалась дамская горжетка из рыжего меха. У другого матроса шея обмотана грязным кружевом. Бряцало оружие, змеями шевелились пулемётные ленты, косым крестом опоясавшие чёрные куртки.

Один вид революционеров вызывал жуть и омерзение.

– Дорогу товарищу Железнику! – выкрикнул кто-то из прохожих, и матрос с горжеткой в ответ вскинул вверх винтовку, перевязанную на штыке красным бантом:

– Да здравствует революция!

– Ура, – прокатилось по строю матросов, – бей буржуев!

– Прости, Господи, ибо не ведают, что творят, – перекрестилась старушка в фетровой шляпке со старомодной вуалью.

«Да всё они ведают, – зло подумал Василий Пантелеевич, – человек вообще существо разумное. И ежели уж матрос крадёт у барыни меховое манто, то прекрасно знает и его стоимость, и его предназначение».

По Петрограду шли грабежи, погромы. Единственная отрада – узнать, что погромы коснулись не только обывателей, но и этой коммунистической шушеры, узурпировавшей законную власть. Василий Пантелеевич посмотрел вслед отряду матроса Железняка. По слухам, вчера на Шпалерной ограбили знаменитых большевиков Урицкого и Стучку. Полуголые, испуганные, они, дрожа, добрались до своего логова в Таврическом дворце и закатили охране такой гранд-скандал, что его было слышно на улице.

Удивительно – главари большевиков ратуют за бедность и равноправие, а первым делом оккупировали дворцы и конфисковали авто из императорского гаража.

Недавно Василий Пантелеевич встретил Шалапина, были они знакомы по-приятельски, через третьи руки. Тот жаловался, что у него каждую ночь обыски: приходят из каких-то непонятных организаций, тычут в нос бумаги с самодельными печатями, конфисковали запас вина, снимали картины со стен, забрали столовое серебро – всё, мол, теперь принадлежит народу.

– А я что, не народ? – кипятился Шалапин. – Спасибо, хоть ватерклозет не разграбили, и то потому, что унитаз с трещиной.

Переждав строй солдат, Василий Пантелеевич поднял воротник и шагнул из подворотни на тротуар, сразу же угодив под фонтан воды из-под колёс пролётки.

На душе было скверно и пусто.

* * *

Каждый раз при виде няньки с детьми Ольге Петровне приходилось сдерживать приступ раздражения. Она пыталась, но не могла объяснить себе, почему не хочет видеть ни своего ребёнка, ни мужа, ни няньку Фаину с голубыми глазами-пуговицами, в которых сразу появлялся испуг при виде неё. В глубине души Ольга Петровна стыдилась своего поведения и от этого злилась ещё больше. Дошло до того, что прежде чем выйти из своей комнаты, она подходила к двери и прислушивалась – в кухне Фаина или нет. Будь её воля, она вообще заперлась бы наедине с книгами и чашкой чая, но даже чай теперь приходилось делать самой, потому что кухарка взяла расчёт и уехала к родне в деревню.

«Чую, что за зиму в Петрограде начнут есть кошек и канареек, – заявила она, вытирая о фартук мокрые руки, – а у моей сеструхи две коровы да десяток овец. Куры опять же, лошадейка. С голоду не помрём».

Сегодня Ольга Петровна тоже некоторое время постояла под дверью и только потом бесшумно выскользнула в коридор. Слава Богу, что не приходилось самой растапливать плиту, потому что Фаина с самого утра подогревала воду мыть девочек. Она же успевала сбегать по чёрной лестнице за дровами и ухитрялась варить простые супчики и каши из тех продуктов, что добывал Василий Пантелеевич.

В его лексиконе появилось словечко «пайк». Пайками с продуктовым набором большевистская власть жаловала особо нужных людей. Муж к ним не относился, и семья потихоньку проедала мало-мальски ценные вещи.

Чтобы паркет не скрипнул, Ольга Петровна передвигалась по коридору на цыпочках, уповая на то, что её одиночество не будет потревожено.

Она почти прошла всю дистанцию, когда дверь в комнату прислуги резко распахнулась и навстречу шагнула Фаина с ребёнком.

– Ольга Петровна, здравствуйте! Хотите посмотреть на свою Капитолину? Она так хорошо растёт! Взгляните, какие у нас толстые щёчки и ножки в перевязочках!

Двумя руками она протянула полуодетую девочку с вытаращенными глазёнками. Мелькнули голые ножки, пальчики, мягкий живот, похожий на лягушачий.

Ольга Петровна почувствовала лёгкую дурноту и едва не взвыла: зачем мне всё это? Я знать никого не хочу!

Сморщив носок-пуговку, девочка тихо чихнула.

– Вот видите, мы уже чихаем! Какие мы умненькие, – заворковала Фаина.

Шлёпнув ладонью по косяку, Ольга Петровна криво улыбнулась и подумала, что если она прямо сейчас не выйдет на воздух, то задохнётся в четырёх стенах.

– Я... мне... мне надо выйти, – пролепетала она через силу и бросилась назад.

Где шубка? Башмаки, горжетка, суконная юбка? Куда всё запропастилось?

В лихорадочном угаре Ольга Петровна доставала вещи из шкафа, примеряла и бросала на пол. Оказывается, она настолько раздалась в бёдрах, что почти ничего из прежнего гардероба не налезало на её фигуру. Она остановилась на безразмерной юбке и старой вязаной кофте с кружевной оторочкой. Ах, да, пуховый платок – на улице мороз и ветер!

С тех пор как Ольга Петровна в последний раз выходила из дома, прошло почти два месяца. Она задохнулась от порыва студёного ветра, швырнувшего в лицо пригоршню колючего снега. Время перевалило за три пополудни, и на дома уже легла лиловая тень зимних сумерек. По давно не чищеному двору от дверей до ворот петляла узкая тропка.

«Надо было надеть меховой капор вместо платка», – подумала Ольга Петровна.

Муж предупреждал, что на улицах опасно, но она не боялась. В последнее время жизнь стала настолько безразлична, что в глубине души Ольга Петровна не отказалась бы попасть в эпицентр взрыва, чтобы разом покончить с ненавистной тоской, выгрызающей мозг и душу.

На перекрёстке у Ковенского переулка горел костёр, и несколько мужиков в тулупах тянули руки к теплу. Здесь же стояла лошадь с повозкой.

– Эй, барыня, картоха нужна? Продам по сходной цене, – обратился к Ольге один из мужиков, а остальные засмеялись, словно он сказал нечто донельзя уморительное. Мужики были явно навеселе.

Услыхав за спиной тарахтение автомобильного двигателя, Ольга Петровна прибавила шаг. Впереди давил на небо купол Знаменской церкви напротив Николаевского вокзала. Не разбирая пути, она бездумно прошла вперёд, когда авто внезапно остановилось и из него выбрался высокий человек в бобровой шубе с алым бантом на отвороте.

– Ольга Петровна! Оля! Ты ли это?

Отпрянув от неожиданности, Ольга Петровна взгляделась в лицо мужчины с широким носом и крутым лбом. Где-то она его видела прежде и хорошо знала.

– Савелий?

– Он самый! Лучший друг твоего беспутного старшего братца! – Он шутливо щёлкнул каблуками.

– Ну, не такой уж Алёша беспутный. Адвокатствует в Екатеринодаре, женат. Трое детей.

– Слышал, слышал. – Савелий подставил ей согнутый локоть и церемонно провёл несколько шагов.

С утробным урчанием автомобиль двинулся вслед и остановился в нескольких метрах впереди. Поправив краги, шофер высунул голову и крикнул:

– Товарищ Кожухов, у меня мотор стынет, а до Таврического ещё пилить и пилить.

– Товарищ? До Таврического?

Ольга Петровна пытливо посмотрела в глаза Савелию, и он ответил ей широкой улыбкой:

– Позвольте отрекомендоваться: начальник отдела Петросовета товарищ Кожухов к вашим услугам. Кстати, – лёгким движением он сунул руку за пазуху, достал оттуда блокнот с

карандашом на цепочке и черкнул на листке несколько цифр. – Вот, возьми номер телефона. И обещай, что в ближайшее время протелефонируешь и зайдёшь! Правда, у нас, большевиков, сейчас масса работы, но для старого друга я всегда найду свободную минуту. Кроме прочего, мне очень нужна помощница. Будучи во власти, архиважно иметь рядом преданных людей. Сама понимаешь, кругом измена, обман, интриги! Да, что тебе объяснять, ты же умница!

Он вскочил на подножку машины и, уже отъезжая, махнул рукой:

– Обещай, что придёшь!

– Обещаю, Савелий! Да-да! Обещаю! – срывающимся голосом закричала ему вслед Ольга Петровна, чувствуя, как в её тело упругими толчками вливаются прежняя сила и лёгкость.

* * *

– Подайте, Христа ради, – выводила нищенка в рваном полушубке.

Чтобы её голос не поглощали стены, старухе приходилось кричать посреди двора на высокой ноте. Рядом, нахохлившись, стоял мальчик лет шести в хорошеньком бархатном пальтишке и башлыке, крест-накрест повязанном через грудь. Нищенка неотрывно смотрела на окна Фаиной комнатки, словно чувствовала, что в доме есть хлеб и мясо, а кашу щедро поливают прозрачным конопляным маслом с лёгким зеленоватым оттенком.

Продукты в изобилии появились после Нового года. Сначала Фаина не поняла, откуда привалило богатство, но Василий Пантелеевич объяснил, что Ольгу Петровну пригласили на работу в комиссариат к старому знакомому, теперь она занимает должность письмоводительницы, получает усиленный паёк и довольствие в виде конфиската. На этой фразе Василий Пантелеевич досадливо поморщился и замолчал.

– Подайте, люди добрые.

Опустив голову, мальчишечка носком валенка с галошами ковырял снег. Фаина оглянулась на девочек, что рядком лежали на кровати и спали, накинула на голову платок. Сбежать вниз с парой кусков хлеба с салом, выданных ей на ужин, – минутное дело. Можно прихватить баранку из вазочки – никто даже не заметит.

Фаина засунула ноги в стоптанные ботинки Василия Пантелеевича, в которых ходила за дровами, и побежала вниз. На обледеневших ступеньках подъезда подошвы скользили и разъезжались. Холод тысячами иголок воткнулся в лицо и шею.

Фаина подала нищенке свёрток, а баранку протянула мальчику с прозрачно-белым лицом.

– Возьмите.

Было видно, что ребёнок очень голоден, но его ладошка на миг зависла в воздухе, чтобы принять дар с достоинством, не торопясь.

– Мерси, мадам!

Нищенка положила ему руку на голову, и мальчик застенчиво улыбнулся одними глазами.

– Внучок?

Фаина поёжилась под порывами ледяного ветра с Балтики, что безжалостно выстужал и без того холодный город.

– Барчук, – коротко ответила нищенка. – А я прачка. Одни мы с ним остались. Остальных в имени солдаты штыками порешили.

У Фаины задрожали ноги. Она взглянула на мальчика, который сосредоточенно грыз баранку. Под тяжестью сказанного нищенкой слова сочувствия казались пустыми и легковесными. Ей стало стыдно, что утром она пила чай с молоком и ела вчерашнюю кашу с льняным маслом, что она сыта, одета и обута, что ей не приходится стоять под ударами метели и тянуть руку за подаванием.

– И как же вы теперь?

– А вот так, – ответила нищенка. – Подбираем, что Бог пошлёт, да только оскудел нынче народ. Картофельной шелухи и то не допросишься. – Быстрым движением она прижала к груди Фаино подаяние и склонила спину в поклоне. – Храни тебя Бог. А кусок хлеба, что нам не пожалела, к тебе вернётся. Помяни моё слово.

Увязая в снегу, старуха и мальчик гуськом побрели сквозь арку на улицу, и Фаина быстро перекрестила их спины:

– Помогай, Господи, людям Твоим. Не дай погибнуть без времени.

* * *

Если бы Ольгу Петровну спросили, какое время в её жизни можно назвать счастливейшим, она не стала бы задумываться – конечно, нынешнее! Время краха старого строя и революционных преобразований! Проклятый царизм, обставявший жизнь тысячью условностей в виде церковных обрядов и монотонного существования, полетел в тартарары, и внезапно выяснилось, что понятие «совесть» устарело и стало всё можно. У Ольги Петровны словно крылья за спиной выросли: хочешь – кури, хочешь – ругайся, хочешь – бросайся с головой в омут страстей, и никто не смеет показывать пальцем: мол, госпожа Шаргунова беспутная персона, не стоит её приглашать в порядочный дом. Вон они, порядочные, стоят на толкучем рынке и меняют золото на десяток яиц. Недавно на улице встретилась генеральша Незнамова. Когда-то почиталось за честь оказаться у Незнамовых среди гостей.

Расцеловались, поболтали, что да как.

– Знаю, вас можно поздравить с рождением дочери! Слышали, говорят, Советы скоро разгонят и их главарей и приспешников арестуют и подвергнут военному трибуналу? – Лицо Незнамовой тряслось от ненависти.

Ольга Петровна выпрямилась:

– Мария Игнатьевна, я тоже служу в комиссариате.

– Неужели?

Отшатнувшись, как от прокажённой, Незнамова стала бессвязно бормотать, что вообще-то она не её имела в виду и что, безусловно, среди новой власти наверняка есть честные люди. Только их пока не видно и не слышно.

Хотя обе чувствовали себя неловко, Ольга Петровна понимала, что среди них двоих победительница теперь она, а Незнамова – побеждённая.

Первый год жизни при демократическом строе вошёл в жизнь Ольги Петровны стрекотом пишущей машинки на огромном столе из дворцовых запасов и трелью телефонных звонков. Каждый раз, когда она снимала телефонную трубку и скупно бросала: «Комиссариат слушает. Шаргунова на проводе», сердце её обдавала волна гордости.

Здесь, в комиссариате, бурлила жизнь. Ежеминутно, ежесекундно Ольга Петровна ощущала свою значимость. Приходящие о чём-то её спрашивали, советовались с ней, смотрели на неё просящим взглядом. Они знали, что в её власти распахнуть заветную дверь к нужному человеку, посодействовать, похлопотать, подсказать.

Эпатажную курительную трубку Ольга Петровна сменила на демократичные пахитоски, коротко подстриглась, а чтобы быть ближе к народу, приколола на отворот жакета революционный красный бант. Семья, муж, новорождённая дочь остались за бортом бурлящего нового мира, который подхватил и закружил её, как свежий ветер тополиный пух. Цокая каблучками по коридору комиссариата, она ловила на себе заинтересованные взгляды и слышала шёпоток:

– Кто это?

– Разве вы не знаете? Это товарищ Шаргунова, правая рука самого Савелия Кожухова!

Впрочем, в планы Ольги Петровны не входило выслушивать пересуды о собственной персоне, потому что работы было масса. И эта работа накатывала и накатывала, подобно знаменитой картине живописца Айвазовского «Девятый вал», что выставлена в Русском музее.

Каждый день курьер из Смольного доставлял в комиссариат пачку документов, и Ольга Петровна распределяла работу по пишбарышням³ для срочного копирования.

Декреты, указы, приказы...

«Декрет о продлении срока действия существующего повышенного акциза на зажигательные спички», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декрет о конфискации имущества, принадлежащего Путилову, объявленному врагом народа»...

На декреты о конфискации приходилась львиная доля распечатки. Новое правительство с бешеной активностью конфисковывало всё подчистую, начиная с заводов и заканчивая керосиновыми лавчонками, наподобие той, что держал татарин Халил на Мальцевском рынке.

Ольга Петровна отдавала в печать декреты о конфискации с какой-то незнакомой доселе ноткой злорадства, явственно представляя ярость всемогущих магнатов, в одночасье ставших нищими. Вот оно – истинное равноправие в действии: власть – народу, земля – крестьянам, хлеб – голодным. Правда, хлеба становилось всё меньше и меньше, но народные массы должны понимать, что за свободу приходится платить высокую цену, потому надо терпеть, терпеть и ещё раз терпеть. Как говорит товарищ Ленин: «Богатые и жулики – это две стороны одной медали, это – два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это – главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно»⁴.

* * *

Фаина так уставала с детьми, что не замечала ни зимних холодов, ни оттепелей. Мороз рисовал на стекле кружевные узоры, метель засыпала снегом двор, куда жильцы повадились сливать нечистоты, потому что с началом революции канализация перестала работать, а Фаина всё кормила, качала, укладывала спать и стирала пелёнки. Она так похудела, что пришлось перешивать юбку, а единственная кофта с баской болталась на талии медным колоколом.

– Фаина, на вас буквально лица нет, – однажды утром заметил Василий Пантелеевич.

В отличие от хозяйки он вежливо обращался к Фаине на «вы». Василий Пантелеевич давно перестал ходить на службу и добрую половину дня проводил, сидя у камина в продавленном кресле. Хотя в руках он держал книгу, страницы не переворачивал, да и книга была одна и та же, в синем переплёте с красным корешком. Иногда Василий Пантелеевич брал блокнот и что-то быстро черкал на листах карандашом в серебряном козлушке.

Он пришёл на кухню, когда Фаина стирала пелёнки. Мыла не было, поэтому приходилось сыпать в корыто золу. Поставив в корыто стиральную доску, она сдула со лба выбившиеся волосы и опустила голову. Не скажешь же хозяину, что дети вымотали её до поросычьего визга. Откуда мужчине понять, что такое двое малышей на одних руках. Но он, видно, что-то такое угадал, потому что внезапно предложил:

– Хотите, я отпущу вас погулять?

– Разве я могу? – сказала Фаина. – Вы ведь ни пеленать, ни кормить не умеете. Да и не мужское это дело – с младенцами лялаться.

– Мужское ли, женское – нынче в расчёт не берётся. У новой власти все равны. Женщины с наганами ходят, – протянул он с намёком на Ольгу Петровну, – а мужчины вместо работы

³ Пишбарышня – распространённое до 30-х годов название машинистки.

⁴ Ленин В.И. Как организовать соревнование? (6–9 января 1918 г.). Полн. собр. соч. Далее – ПСС. Т. 35. С. 201.

сочиняют стихи и предаются тоске. – Его щёки слегка покраснели. Он налил себе стакан чая и после пары глотков уверенно произнёс: – Решено. Когда дети будут спать, одевайтесь теплее и ступайте на улицу, иначе вы заболете от переутомления и будет беда.

Вспыхнув от радости, Фаина всё же засомневалась:

– Ну, если только в церковь.

– Вот-вот, – подхватил Василий Пантелеевич, – заодно и за меня, грешника, свечку поставьте. А то я сам всё не удосужусь. Когда там у вас сон по расписанию?

– После полудня. Вы, Василий Пантелеевич, не беспокойтесь, Капа с Настей хорошо спят, если лежат рядком. Их, главное, не разлучать, а то крику не оберёшься. – Фаина вдруг подумала, что забыла не то что какой сегодня день, но и какой месяц. Она вопросительно взглянула на Василия Пантелеевича. – Василий Пантелеевич, какое сегодня число?

Припоминая, он потёр лоб:

– С утра было восемнадцатое января тысяча девятьсот восемнадцатого года от Рождества Христова.

* * *

Фаина вышла из подворотни на Знаменскую улицу⁵ и глубоко вдохнула холодный воздух с терпким запахом печного дыма. За несколько месяцев взаперти она так успела отвыкнуть от снега и ветра, что с непривычки у неё закружилась голова. Городские дворники исчезли вместе с Октябрьским переворотом, и Фаина едва не поскользнулась на длинной ледянке, протоптанной посередине двора. Если бы кто-то не посыпал лёд золой, было бы переломано много рук и ног. Правда, когда она бегала вниз за дровами, между полениц бродил вечно пьяненький мужичок с красным бантом на заячьем треухе, но уборкой он не занимался, а иногда истошно орал и грозил кулаком в небо, словно выпрашивал на свою забубённую головушку кару небесную.

Серый день медленно переваливал за полдень. Изредка сквозь тучи прорывался луч солнца, и тогда дома становились чуть-чуть светлее и праздничнее, чем казались из окна комнатухи. Из-под неровных линий крыш причудливыми гроздьями висели сосульки. Какая-то баба в тулупе волокла навстречу санки с тюками из холстины. Проходя мимо, она схватила Фаину за рукав:

– Эй, девка, скажи, который тут Басков переулочек? Меня туда на жительство определили, потому как я потомственная пролетарка.

От бабы густо несло винным перегаром. Она беспрерывно икала.

– Это туда, вон, где дерево, – показала Фаина, и тут откуда-то издалека тяжко и гулко ударил колокольный набат.

Глаза бабы округлились:

– Пожар, что ль?

Звук колокола, истончившись, повис в воздухе, замолчал и ударил вновь, набирая силу и высоту.

Фаина не хотела уходить далеко от детей, от дома, но колокол гудел, звал, требовал:

– Беда, беда, сюда, сюда!

И прохожие, что шли мимо, внезапно развернулись и побежали в одну сторону. И Фаина тоже побежала, на ходу поправляя платок, который всё время сползал на затылок.

Звонили с колокольни Александро-Невской Лавры. На повороте к Невскому проспекту Фаина влилась в толпу народа, которая с каждым шагом вперёд становилась гуще и гуще. Набат не затихал, и сердце в груди тоже застучало в такт суматошным ударам колокольного языка.

⁵ Знаменская улица в 1923 году была переименована в улицу Восстания.

То тут, то там слышались резкие выкрики:

«Господи, помилуй!», «Не отдадим святыню супостатам!», «Спасём матушку-Расею!»
«Грудью встанем за Святую Лавру!»

Большинство, как и сама Фаина, не знали, что произошло, но скорее душой, чем разумом, понимали, что там, за стенами Лавры, сейчас творится страшное, чему нет и не будет прощения во веки веков. На площади Александра Невского Фаина попала в людской водоворот, который вливался во врата монастыря. Справа и слева её толкали, из уст в уста передавая непостижимую весть: «Владыку, Владыку Вениамина⁶ арестовали! Лавру хотят отнять!»

На площадке у Митрополичьего корпуса стояли грузовики с пулемётами и ряд солдат с винтовками наизготовку.

На миг Фаина обмерла от ужаса – а ну как начнут палить в людей без разбора?! Двумя руками она вцепилась в чей-то тулуп.

– Ничего, дочка, справимся, – обернулся к ней мужик, по виду извозчик. – Есть силушка в руках! – он показал крепкий кулак, пропахший дёгтем. – Да не трясись, не станут солдатики в своих, православных стрелять, да ещё в святой обители. На них, чай, тоже кресты есть.

– Православные, спасайте церкви! Антихрист грядёт! – сечкой резанул по толпе истошный женский возглас.

И толпа задвигалась, загомонила:

– Не отдадим святыни, за них наша русская кровушка веками проливалась!

Зажатая между людьми, Фаина не могла видеть ничего впереди, кроме голов и плеч, но сейчас она не чувствовала себя отдельным человеком, вливаясь в общий поток, точно капля крови в одной вене: все кричали, и она кричала, ахала, охала. Когда старуха рядом горько заплакала: «Что же будет? Не простит нас Господь!» – у Фаины тоже навернулись слёзы.

Она вытерла глаза ладонью и вдруг поняла, что толпа замолчала грозно и тягостно. По шее Фаины проскользнул холодок дурного предчувствия. И точно. Начиная от Митрополичьего корпуса, из уст в уста камнепадом покатился ропот:

– Убили! Убили! Батюшку убили!

– Батюшку?! – Охнув, Фаина стиснула в кулаке кончик платка.

– Да кого, кого убили? – гомонили кругом.

– Отца Петра Скипетрова⁷ из Скорбященской церкви! – сказал кто-то совсем рядом. – Говорят, в лицо выстрелили.

– Ой, божечки! – тут же горячо запричитала молодая бабёшка в суконном армяке. – Да это же наш батюшка! Такой хороший, добрый батюшка! Он нас с мужем венчал и детей крестил! Да как же мы теперь без него? Осиротели, как есть осиротели! – Громко шмыгнув носом, она с отчаянием посмотрела на Фаину и стала пробираться вперёд сквозь толпу, непрерывно повторяя: – Что я детям скажу? Что скажу?

«Дети! – как ушатом холодной воды окатило Фаину. – Мне надо срочно бежать домой!»

Вся дрожа, она как безумная стала расталкивать людей вокруг себя, в глубине души уверенная, что прямо сейчас всех, кто здесь находится, должно поразить громом: одних за то, что сотворили, других за то, что позволили сотворить немислимое злодейство.

К дому Фаина неслась с такой скоростью, что дыхание останавливалось. Василий Пантелевич, впусивший её в квартиру, обомлел:

– Фаина, что случилось? Да на вас лица нет.

Чтобы унять сердцебиение, Фаина упёрлась ладонями в стену и чужим голосом сказала:

⁶ Священномученик Вениамин (Казанский Василий Павлович), митрополит Петроградский и Гдовский. Расстрелян по приговору Петроградского ревтрибунала 13 августа 1922 года. Прославлен в лике святых в 1992 году.

⁷ Пётр Иванович Скипетров, протоиерей, настоятель церкви Всех Скорбящих Радосте (с грошиками). 19 января 1918 года в Александро-Невской Лавре был смертельно ранен выстрелом в лицо и на следующий день скончался. В 2001 году прославлен в лике святых.

– Всё пропало. Всё теперь покатится вниз.

– Что покатится? Что пропало? – обеспокоенно спросил Василий Пантелеевич.

Она не ответила, махнула рукой и пошла к детям в свою комнату. Девочки не спали, но не плакали, тихо взясь ручонками в распоясанных пелёнках.

– Бедные вы мои, бедные!

Василий Пантелеевич возник в дверях и деликатно покашлял:

– Фаина, вы мне так и не сообщили, что случилось. На вас напали? Ограбили? Обидели?

– Напали, ограбили и обидели, – повторила она, а потом вскинула глаза и яростно произнесла. – В Лавре батюшку убили. Отца Петра Скипетрова. В лицо выстрелили, ироды. Совсем Бога не боятся. Не простит Он нас, проклянёт на веки вечные.

– Как убили? Кто? – Василий Пантелеевич охнул.

– Знамо дело, кто, – Фаина криво усмехнулась. – Эти, – она мотнула головой в сторону окна. – Большевики. Теперь всё пропало!

Василий Пантелеевич побелел:

– Не говорите так Фаина, будем надеяться, что батюшка случайная жертва. Я уверен, власть не допустит расправ и самосуда...

Каждое следующее слово звучало фальшиво и жалко. Смутившись, Василий Пантелеевич ссутулил плечи и тихо отступил в темноту коридора.

* * *

– Я не понимаю, о чём ты говоришь! – вспыхнула Ольга Петровна, когда Василий Пантелеевич рассказал об убийстве священника.

Разговор шёл крутой и жёсткий. Василий Пантелеевич так долго держал в себе гнев, что эмоции буквально взрывали мозг изнутри, разлетаясь горячими пулями из коротких слов и фраз.

Вскочив, Ольга Петровна засунула руки в карманы халата и принялась широко вышагивать по комнате из угла в угол. Всклокоченные волосы придавали её облику вид рассерженной фурии из театральной постановки.

– Идёт борьба между старым и новым – беспощадная, между прочим, – а ты желаешь, чтоб обошлось без жертв?! Так не бывает, мой милый! – Ольга Петровна круто развернулась и вскинула голову. Появилась у неё такая привычка – высоко задирать нос. – Никто без боя не отдаст народу награбленное! Революция – это насилие и диктатура победившего класса, и узурпаторам необходимо смириться и склонить голову перед народным гневом!

– Но те, кто не желает насилия и диктатуры – тоже народ! – возразил Василий Пантелеевич. – Богобоязненный и трудолюбивый.

Ольга Петровна скорчила презрительную мину:

– Жалкие обыватели! Товарищ Коллонтай⁸ подписала совершенно справедливый указ о конфискации части помещений Лавры, и монахи должны были подчиниться ему, согласно революционной дисциплине!

– Видимо, кроме Лавры, в Петрограде не осталось свободных мест, – ехидно вставил реплику Василий Пантелеевич. – Если хочешь знать моё мнение, то эта грязная развратница Коллонтай, об адюльтерах⁹ которой не знает только глухой и слепой, сознательно решила заварить в городе кровавую бучу. Удивительно, с какой быстротой большевики сбросили маску миротворцев и показали своё истинное рыло с рогами и свиным пятакон.

⁸ 13 января (ст. ст.) 1918 года Народный комиссариат государственного призрения под руководством А. Коллонтай издал распоряжение о реквизиции жилых помещений Лавры и покоев митрополита для своих нужд.

⁹ Адюльтер – супружеская измена, прелюбодеяние.

– Рыло!!! У меня рыло?! – закричала Ольга Петровна. – Ну, знаешь! Тебе стоит выбирать выражения! Я, между прочим, отныне истинная большевичка и на днях вступаю в ряды ВКП (б). Меня рекомендовали сам товарищ Ленин и товарищ Лилина!¹⁰

Сжав кулаки, Ольга Петровна подступила к Василию Пантелеевичу и потрясла ими перед его лицом, отчего на безымянном пальце огненной искрой сверкнуло золотое кольцо с рубином – его подарок на именины.

– Помяни моё слово, Оля, – глядя на рубин, тяжеловесно сказал Василий Пантелеевич, – если начали покушаться на духовенство, то следом падёт Помазанник Божий, а потом под нож пойдут все без разбора, и твои большевики в том числе.

– Пока что мои большевики, над которыми ты иронизируешь, дают тебе паёк, и ты каждый день ешь хлеб с маслом и делаешь омлет!

– Ты стала жестокой, Оля, но я знал, что ты найдёшь повод попрекнуть меня моим вынужденным бездельем. Лишь в одном ты права – я больше не хочу иметь ничего общего с убийцами и разорителями государства.

Очень медленно и спокойно Василий Пантелеевич встал со своего места. Взгляд зацепился за криво лежащую салфетку на ломберном столике, он аккуратно расправил её края с тонкой линией кружева. Провёл пальцами по полированной крышке фортепиано. Как там в романсе? «Рояль был весь раскрыт. И струны в нём дрожали»¹¹. В сердце что-то дрогнуло, и он улыбнулся уголком рта.

Видимо, поняв, что происходит что-то необычное, Ольга Петровна замолчала.

У двери Василий Пантелеевич оглянулся:

– Ты даже не интересуешься, как твоя дочь. Здорова ли, сыта ли. Постарайся всё же стать матерью.

Шаркая ногами, Василий Пантелеевич вышел в коридор и слепо долго шарил руками по вешалке в поисках шубы. Ему было душно и не хватало воздуха. Хотелось как можно скорее попасть на холод, в синюю ясность зимней ночи, даже если там стреляют и ходят патрули.

* * *

Василий Пантелеевич держался из последних сил, чтобы не закрыть лицо руками и поволчьи не завывать от тоски.

Ночь он пересидел на Николаевском вокзале. Поезда ходили редко, но здание было забито людьми под завязку. Дамы, бывшие господа, мужики, бабы – все вперемежку, без разделения на пассажиров первого, второго и третьего классов с разными залами ожидания – нынче все равны, и к вонючему лаптю на лавке стоит относиться философски. В конце концов, это не самое страшное, что может случиться в жизни.

Ему повезло: он отыскал у стены одно местечко. Сев прямо на заплёванный пол, Василий Пантелеевич прислонился спиной к стене и попытался задремать. Рядом с ним беззубый старик шамкал дёснами краюху хлеба. Чуть поодаль, на мешке с чем-то мягким, спала молодая в барской шубе и валенках. Наверняка приезжала выменивать продукты на мануфактуру. Вполне может быть, в мешке под головой лежит картина кисти Рембрандта, которой хозяйка заботливо украсит закуток возле печи.

В помещении остро пахло навозом, сеном и угольной гарью. Два подвыпивших мужичка громко обсуждали покупку лошади. И вдруг сзади резанул по сердцу мягкий женский говорок:

¹⁰ *Злата Ивановна Лилина*, урождённая Бернштейн, жена Г.Е. Зиновьева, советская партийная и государственная деятельница. Скончалась в 1929 году. После осуждения и казни Зиновьева (расстрелян в 1936 году) её работы были изъяты из библиотек. В возрасте 24 лет был арестован и сын З.И. Лилиной и Зиновьева – Стефан Овсеевич Радомысльский (Степан Глебович Зиновьев) – расстрелян 27 февраля 1937 года на Лубянке.

¹¹ Романс на слова А.А. Фета.

– Слышала, кума, что вчера в Лавре владыку под арест посадили, а одного батюшку из пистолетов застрелили? Как теперь жить тем супостатам? Как людям в глаза смотреть?

– Да им хоть плюй в глаза, всё едино. Антихристы.

«Как же так, Оля? Почему ты стала такой? Почему не замечаешь очевидного? Как мы с тобой смогли оказаться по разные стороны баррикад?» – мысленно простонал Василий Пантелеевич.

Он снова возвратился к разговору с женой, в уме приводя ей новые и новые аргументы тупиковой ситуации, куда загоняют людей узурпаторы власти, именующие себя вождями пролетариата. Лжепролетарии, не державшие в руке ничего тяжелее карандаша.

Должны же найтись среди народа новые Кузьма Минин и князь Пожарский, чтобы избавить страну от великой смуты.

Василию Пантелеевичу вдруг вспомнилось своё представление государю по случаю столетия Департамента. Приезд высочайшей особы ожидали к полудню, и от волнения сердце то тревожно замирало, то упруго подпрыгивало к самому горлу. В назначенное время оживление в стенах Департамента достигло апогея. Лицо директора в чине Действительного статского советника имело густо-свекольный цвет. Он то и дело поправлял воротник мундира, стакан за стаканом пил воду из хрустального графина.

– Едут! Едут! – закричал курьер, дежуривший у окна, и служащие кинулись строиться в две шеренги по обе стороны ковровой дорожки. Когда государь император вошёл в зал, то Василий Пантелеевич, который стоял первым, вспотел от волнения и очень сконфузился.

Его величество держался так естественно, если не сказать скромно, что напряжение понекому отпускало. Остановившись напротив Василия Пантелеевича, он дружески протянул руку для рукопожатия и произнёс:

– Благодарю за службу.

– Рад стараться, Ваше Величество! – по-солдатски брякнул Василий Пантелеевич первое, что пришло в голову.

Государь улыбнулся краешком рта и пошёл дальше, оставив на память о себе тепло крепких пальцев на ладони и лёгкие морщинки вокруг глаз, каких-то по-особенному светлых и приветливых.

Яркое воспоминание из прошлого привнесло в нынешнее состояние толику новой боли. Василий Пантелеевич перекрестился: «Храни, Господи, государя и его семью во благе и благополучии». О своём будущем ему думать не хотелось. Одно ясно – жить за счёт Ольги дальше не представляется возможным – кусок в горло не полезет. Что делать? Как поступить? Куда податься?

Год назад в кошмаре не приснился бы грязный зал ожидания с людьми вповалку и сам он, сидящий на полу у стены. Василий Пантелеевич перевёл взгляд на двух подпоручиков, совсем мальчишек, что, положив на колени офицерский планшет, играли в подкидного дурачка. Заметив взгляд, один из них сделал жест рукой, приглашая присоединиться.

Василий Пантелеевич отрицательно покачал головой: мол, не играю.

Чтобы снова не возвращаться мыслями к разговору с Ольгой, Василий Пантелеевич переключил внимание на входную дверь и стал считать входящих. Первыми вошли две дамы в меховых капорах. Каждая крепко прижимала к себе кожаный саквояж. И правильно: в стране царит разгул преступности. Следом за дамами, озираясь по сторонам, проскользнула девушка, по виду работница. Уверенно ступая, вошёл извозчик и предложил:

– Господа хорошие, кому к Нарвской заставе?

– Нет теперь господ, – глухо ответствовали с другой стороны зала, и извозчик со злым смешком сплюнул на пол:

– А товарищам пролётки не положены, пусть на своих двоих ходят.

Дверь за спиной извозчика снова хлопнула, впустив наряд патрулей. Трое солдат и трое матросов с красными бантами в петлицах по-хозяйски осмотрели зал. Василий Пантелеевич обратил внимание, как под их взглядами люди ёжились и замирали, словно застигнутые врасплох за чем-то неприличным.

Он посмотрел на мальчиков-подпоручиков. Они не перестали играть в карты, но движения стали замедленные, напряжённые, наподобие сжатых пружин.

У всего города была на слуху жесточайшая расправа матросни с юнкерами, мальчики тоже об этом слышали и, судя по всему, готовились к любому исходу событий.

– Эй, да здесь офицерё! – громко сказал один из матросов в лихо сдвинутой на лоб папахе от генеральской формы.

Молниеносным движением он скинул с плеча винтовку и взял наизготовку. Василий Пантелеевич замер. Ещё несколько минут – может десять, двадцать, максимум двадцать пять, и от двух мальчишек-подпоручиков останется груда окровавленного мяса, завернутого в офицерские шинели. Хотя, нет: шинели, наверное, их рачительно заставят снять, чтоб не замарать шерстяное сукно.

– Господи, благослови! – От страха рука дрожала так, что он не смог перекреститься, но всё же нашёл в себе мужество встать и шагнуть вперёд прямо на штыки патруля: – Остановитесь, задумайтесь, не творите зла. Вы же русские, православные...

– Ах ты, контра буржуйская! Сейчас мы тебя в расход пустим!

Два матроса схватили его под руки и поволокли на улицу. Штыки солдат толкали в спину, и Василий Пантелеевич едва успевал перебирать ногами, чтобы не споткнуться на ступеньках.

Может быть, когда-нибудь и его дочь случайный человек спасёт от смерти, а может быть, она спасёт кого-то! Велика и широка милость Божия, пусть мальчишки живут, а его время подошло к концу.

* * *

Девочки Настя и Капитолина походили друг на друга как две капли воды: обе голубоглазые, светловолосые, с крохотными носиками-пуговками.

Фаина любила кормить их одновременно, хотя с каждым месяцем держать в руках шевелящиеся свёртки становилось всё тяжелее. Сегодня первой наелась Капочка. Она сонно заморгала глазками и блаженно облизала губы маленьким розовым язычком, как котёнок, вволю налакавшийся молока.

Поскольку Настюшка ещё сосредоточенно сопела, Фаина ловко перекатила Капу на подушку:

– Спи, моя хорошая.

От громкой дроби каблуков по гулкому коридору девочка вздрогнула и захныкала, а Фаина, узнав шаги Ольги Петровны, внутренне сжалась. Ольга Петровна распахнула дверь без стука. Встав в проёме, она засунула руки в карман жакета и отчеканила вопрос:

– Фаина, Василий Пантелеевич был дома?

Взгляд Ольги Петровны скользнул по Насте в руках Фаины, перебежал на сонную Капу и требовательно застыл в одной точке.

Фаина покачала головой:

– Нет, со вчерашнего дня я никого не видела.

На мгновение выражение лица Ольги Петровны стало растерянным:

– Где же он может быть?

– Я не знаю.

Ольга Петровна поёжилась:

– Печь не топлена, в комнатах холод собачий.

Фаина отняла от груди Настю, положила её впритык к Капе и подняла глаза на Ольгу Петровну:

– Я не захожу на хозяйскую половину и зажигаю плиту только на кухне. Ваш камин топит Василий Пантелеевич.

Судя по гневной складке у бровей, Ольга Петровна хотела кинуть резкую фразу, но удержалась и пошла искать дрова, чтоб растопить камин. Когда третья по счёту спичка сломалась в руках, Ольга Петровна зло выругалась сквозь зубы в адрес мужа.

– Видите ли, дома он не ночевал. Как нервная барышня убежал из дома, хлопнув дверью. Ещё бы в обморок упал для пушшего эффекта!

Она снова взялась за спички, которые надлежало беречь как зеницу ока. Коробка спичек нынче стоит сто рублей. Прежде такой пенсион полагался генералам в отставке или старшим инженерам. Паёк пайком, но за каждой мелочью к коменданту бегать не станешь, да и просить как-то не комильфо.

Подсовывая неровный огонёк под суковатое полено в топке, Ольга Петровна занозила палец и раздражённо охнула. Сегодня решительно всё выводило её из себя! В комиссариате вымоталась едва ли не до горячки, а тут ещё дома полный разлад, да и блузка порвалась на манжете.

При первой волне тепла она протянула к камину иззябшие руки и прислушалась: кажется, звонят в дверь. Звонок повторился. Потом ещё и ещё.

Сперва Ольга Петровна не хотела открывать: у Василия свой ключ, а вызов из комиссариата упредили бы телефонной связью. Но звонок тренькал и тренькал. Она нехотя поднялась со скамеечки с резной спинкой, что всегда стояла возле камина.

– Кто там?

– Ольга Петровна, Ольга Петровна, это я, Анюта!

– Какая Анюта?

– Анюта, прачка. Я в прошлом году ваше бельё стирала.

Ольга Петровна откинула цепочку, зацепив взглядом бледное лицо в сером платке и трясущиеся губы.

– В чём дело? В данный момент я не нуждаюсь в ваших услугах.

– Да я не потому. Тут беда случилась... – Прачка комкала в руках варежки. – Я по Виленскому переулку шла, возле казарм, ну и завернула во двор. – Она покраснела. – У меня там приятель живёт, бывший дворник. А он там лежит.

– Кто? Приятель? – недоумевая, спросила Ольга Петровна и хотела закрыть дверь, но прачка быстро и умоляюще перебила.

– Нет, не он, а Василий Пантелеевич.

От прилива жара Ольга Петровна окончательно перестала понимать происходящее. Ватными ногами она переступила ближе к стене и оперлась рукой на свою шляпку, что лежала на тумбочке.

– Толком скажи!

– Я и говорю! – Прачка опустила голову. – Василий Пантелеевич там лежит, убитый. В одном сюртуке. А на груди вот такое красное пятно, – Анюта растопырила пальцы. – Уже и снежок припорошил. Я как увидела, сразу бегом к вам. – Она всхлипнула. – Время! Время-то какое страшное! Вот что проклятые бандюки с приличными людьми творят!

Она ещё что-то говорила, причитала, но Ольга Петровна её уже не слушала. Закрыв дверь, она некоторое время постояла, прислонившись лбом к стене, а затем сняла рожок телефонного аппарата.

– Барышня, соедините с абонентом 369. Да, жду. – Она несколько раз глубоко вздохнула, отгоняя приступ дурноты. – Савелий? Дело в том, что Василий погиб и мне нужна твоя помощь.

* * *

Ледяной ветер над Александро-Невской Лаврой трепал полотнища алых стягов. Серебристая изморозь оседала на штыках солдат, стоящих в шеренге у гроба, наскоро обитого дешёвым кумачом из реквизированных запасов галантерейной лавки.

Место на площадке у Троицкого собора выделил комиссариат. Придя с соболезнаваниями, товарищ Савелий рубанул по столу ребром ладони:

– Ольга, мы, большевики, должны положить конец почитанию царских сатрапов и основать свою, коммунистическую идеологию, с новыми пантеонами и новыми героями. Считаю, что коммунистическое кладбище¹² в самом центре реакционного сопротивления станет символом нашей победы над царизмом и его приспешниками. Предлагаю похоронить твоего мужа в Александро-Невской Лавре.

Когда Савелий Кожухов говорил о революции, в его глазах вспыхивал пугающий блеск фанатизма, и возражать ему было бесполезно. В Лавре, так в Лавре. Пусть над Василием шумят деревья и пахнет свежим хлебом из монастырской пекарни. А по весне, когда сойдёт снег, на клумбах полыхнёт огонь тюльпанов и колокольный звон поднимет в прозрачный воздух стаю бело-сизых голубей.

На мгновение Ольга Петровна забыла, что в монастыре сейчас разорение, но тут же пришла в себя и крепко пожала Савелию руку:

– Спасибо. Ты настоящий друг!

После долгих раздумий Ольга Петровна решила не отпевать мужа, и во время похорон большой колокол Троицкого собора скорбно молчал, словно лишился своего гулкого чугунного голоса с лёгкими переливами старого серебра.

Монахи, оглушённые недавними событиями, затворились в кельях. Мрачно, пустынно, безжизненно. Движение наблюдалось лишь у Митрополичьего корпуса, куда то и дело с рёвом подъезжали грузовики.

В последний раз они с мужем ходили в Лавру накануне революции, когда ожидали ребёнка. Молились о благополучном разрешении, и Василий купил целую пачку свечей, чтобы затеплить их перед каждой иконой. Ольга Петровна нахмурилась – прочь сомнения и ненужные воспоминания. В новую эру надобно вступать, уверенно расправив плечи и сбросив груз прошлых лет. Она твердила себе это каждый день как заклинание, пока слова не начинали звучать в голове наподобие шарманной музыки без начала и без конца.

Сотрудников комиссариата набралось человек тридцать. Суровая скорбь на их лицах была под стать серому небу с летящими тучами и комьям мёрзлой земли под ногами.

«Даже лапника не нашли», – тоскливо подумалось Ольге Петровне.

Она взглянула на Савелия, тот сделал шаг вперёд к разверзнутой могиле:

– Друзья, сегодня мы провожаем в последний путь товарища Василия Пантелеевича Шаргунова, мужа нашей Ольги Петровны! – Двинувшись влоборота, он положил ей руку на плечо. – Товарищ Шаргунов пал жертвой в борьбе за правое дело, товарищи! Его смерть ещё одно пятно на совести коварной и злобной гидры контрреволюции. Но мы утрём слёзы, встанем плечо к плечу и отомстим за смерть славного борца за власть Советов. Массовый террор и диктатура пролетариата, товарищи, – вот что должно стать нашим оружием за светлое будущее!¹³ Мы ещё теснее сплотим наши ряды для борьбы с врагами пролетариата, и наш караю-

¹² Первые захоронения перед папертью Троицкого собора, на месте партерного сада, начались в 1917 году – это были могилы нескольких казаков, погибших при разгоне большевистской демонстрации в июле 1917 года. С 1918 года в саду стали хоронить известных большевиков, потомственных питерских рабочих, участников обороны Петрограда, жертв Кронштадтского мятежа. С тех пор оно стало известно как Коммунистическая площадка.

¹³ Ленин В.И.: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, ника-

щий меч не будет знать пощады, пока с лица земли не исчезнут все нетрудовые элементы, а самого последнего буржуя мы посадим в клетку и будем показывать в зоологическом саду!

Широко шагнув к выкопанной яме, Савелий опустил голову с россыпью снежинок на волосах:

– Спи спокойно, дорогой товарищ Шаргунов. Революция не забудет своих славных сыновей и дочерей. Здесь, на кладбище красных коммунаров, мы тожественно клянёмся стать достойными памяти павших товарищей!

Дав отмашку опускать гроб, Савелий приятным баритоном затянул «Мы жертвою пали в борьбе роковой», и под торжественно-тягостные звуки Ольга Петровна с чувством горестной пустоты прожитых лет смахнула первую слезинку.

* * *

После гибели Василия Пантелеевича Фаина с месяц не выходила из дому. Днём качала детей, кормила, играла, стирала, шила распашонки, готовила немудрёную еду для себя и для хозяйки, а с первым поворотом ключа в замке юркала в свою каморку и сидела там тише мыши.

Продукты приносила Ольга Петровна и оставляла их на кухне вместе с немывыми тарелками и грязным бельём, с тем чтобы по возвращении найти вещи в полном порядке и чистоте.

Фаину подобное существование вполне устраивало, и Ольгу Петровну, судя по всему, тоже. Когда выявлялась острая нужда, например в полотне для детского белья, Фаина нацарапывала коротенькую записку – нужно то-то и то-то, благо грамотная: сама научилась читать по вывескам.

Единственное, что однажды она осмелилась спросить, это – где похоронили Василия Пантелеевича.

– В Лавре, перед храмом, – коротко ответила Ольга Петровна, и по выражению лица, ставшего замкнутым и отчуждённым, было видно, что вопрос ей крайне неприятен.

С того момента Фаинину душу щипал стыд, что не идёт проведать могилку Василия Пантелеевича, сказать последнее «прости» и показать, как растёт Капитолина. Раз мать не интересуется дочкой, так пусть хоть отец с небес полюбуется на толстые щёчки и послушает смешной лепет, состоящий из бу-бу-бу и ба-ба-ба. Правда, Василию Пантелеевичу придётся любоваться сразу на двух девочек, но тут уж ничего не попишешь – разлучить их было невозможно. Настя с Капой были просто не разлей вода. Стоило только одну унести в кухню, как другая немедленно начинала кричать. Они и спали только вместе, умилительно держась за ручки.

Выбрав ясный день без весеннего дождя, Фаина достала большую бельевую корзину, выстлала по дну старым одеялом и поставила на тележку для кадки с водой. Колёсики у тележки маленькие, корзинка не опрокинется, ну а со Знаменской улицы до Александро-Невской Лавры едва ли пара вёрст наберётся прямо по Невскому проспекту. Вопреки ожиданию, а время шло к обеду, на улице оказалось совсем малоллюдно. Несколько солдат у дома купца Егорова тянули махру. Двое мальчишек отгоняли от луж голубей. Тощая барынька в голубом пальто вела за руку девочку лет трёх. Проходя мимо солдат, она испуганно покосилась в их сторону, а те кинули ей вслед что-то непотребное, отчего барынька опустила голову и почти побежала.

Один из солдат обратился к Фаине:

– Здорово мы буржуев прижали к ногтю, правда, сестрёнка? – Он скользнул взглядом по тележке с корзинкой. – Эй, да у тебя тут двое! А муж где?

кими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть <...> диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ <...> Хорошо ли, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это – высшее проявление народной борьбы за свободу». *Ленин В.И.* ПСС. Т. 12. С. 320–322.

- На войне убили.
- Да, наплодил сирот проклятый царизм.

Он глубоко затянулся махоркой, и Фаине захотелось выкрикнуть: «То ли ещё будет, если вы не побросаете штыки и не пойдёте по домам к жёнам». Но вместо ответа она налегла на ручку тележки и выкатила свою коляску на мостовую.

Хотя пасхальный апрель звенел капелями и солнечно растекался по крышам домов, лица прохожих были бледны и хмуры. У заколоченной лавки толпились люди с вещами в руках.

- Меняю куртку!
- Меняю серьги!
- А кому надо серебряный портсигар? Недорого прошу!

Голенастая девочка лет десяти держала в руках красивого фарфорового пупса в кружевном чепчике.

- Тётенька, купите куклу.

Просидевши зиму взаперти, Фаина не предполагала, что в городе царит лютый голод, заставляющий детей торговать своими игрушками. Она несла с собой мешочек сухарей и пару яиц, раздать нищим на паперти, но тут сердце дрогнуло:

- На, возьми, а куклу себе оставь.

– Благодарю вас, вы очень добрая! – Девочка просияла, и от её улыбки Фаине тоже стало веселее идти по угрюмой улице с обтрёпанными кумачовыми лозунгами над воротами.

Прямо под ногами на улице валялись обломки кирпичей и вывороченные булыжники. Поджав хвосты, бегали бездомные собаки, похожие на обтянутые кожей скелеты. И среди всего хаоса и бедлама из окна третьего этажа пьяно и бесшабашно летела громкая песня: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем!»

* * *

После похода в Лавру на душе у Фаины установилась тишина, словно бы она посреди топкого болота нащупала под ногами островок земной тверди.

Монастырь, хоть и притеснённый Советами, жил своей жизнью, вроде бы и не жёг толпу горячий крик:

- Батюшку! Батюшку убили, ироды!

Нынче те жуткие январские события будто растаяли вместе с кровавым снегом, и хотелось верить, что страшное зло больше никогда не повторится в этих стенах, укреплённых молитвами православных. По двору ходили монахи, шныряли по толпе востроглазые мальчишки, что завсегда высматривают, где бы поживиться, сидели на паперти нищие. Правда, в толпе попрошаек теперь всё больше попадались прилично одетые люди из бывших бар. Почему-то Фаина особенно кручинилась об их судьбе.

«Не привычные господа к бедности и лишениям, – думала она, проходя мимо людей с протянутыми руками. – Мы, чёрная косточка, всё переживём, всё выдюжим, а они беззащитные, как дети малые».

Толкая перед собой тележку с детьми, Фаина разыскала могилку Василия Пантелеевича и склонилась в коротком поклоне:

– Смотрите, Василий Пантелеевич, какая у вас доченька Капитолинушка подросла. Скоро первый зубик проклюнется, я давеча ложкой стучала – звенит, как колокольчик.

Про хозяйку Ольгу Петровну рассказывать не стала. Что толку переливать из пустого в порожнее, если дома всё по-старому, и за то времечко, что Василий Пантелеевич упокоился в Лавре, Ольга Петровна ни разу не поинтересовалась ребёнком, не говоря уже о том, чтобы взять её на руки или побаюкать перед сном. С кошками и собаками хозяева лучше обращаются,

чем она с родным дитяткой. А ещё Фаина пообещала Василию Пантелеевичу приходить чаще и с того момента стала выбираться в Лавру едва ли не каждую неделю.

Однажды, когда Фаина со стуком выкатывала тележку с детьми из ворот Лавры, рядом остановилась пролётка.

– Тпру, окаянная! – фыркнул извозчик, едва успев осадить лошадь.

Фаина не сразу сообразила, что на сиденье в пролётке сидит Ольга Петровна и, удивлённо приподняв брови, смотрит в корзину со спящими девочками.

– Фаина? Что ты здесь делаешь? – Голос Ольги Петровны звучал с деревянной сухостью.

Говоря, она щурилась от яркого солнца, и от безжалостных лучей её бледная кожа выглядела старо и скомкано.

Под резким взглядом Ольги Петровны Фаина непроизвольно сгорбила плечи. Что бы она сейчас ни ответила, всё будет плохо.

Ольга Петровна напомнила:

– Я жду ответа.

– Я... мы с девочками, – она подняла голову, – мы ходили в церковь.

Фаина не стала упоминать, что на могиле Василия Пантелеевича лежит крошечный, из четырёх веточек, букетик первой сирени, сорванный во дворе, и что на ступеньках храма её благословил сам Владыка Вениамин.

От тёплых рук Владыки тонко пахло ладаном. Фаине захотелось уткнуться лицом в его рясу и по-детски заплакать с умилением и безнадежностью.

* * *

Сегодня с самого утра малышки беспокоились: сбивая распашонки в ком, сучили крошечными розовыми пятками, изгибали спинки. Фаина металась от одной девочки к другой и не знала, то ли бросаться кормить Настю, то ли перепелёнывать Капитолину.

– Это всё зубки, наверняка зубки. Надо потерпеть, – с отчаянием бормотала она про себя, думая, что ещё пара часов суеты, и она свалится без сил.

Настя орала особенно громко и отчаянно, цеплялась ручками за Капитолину, тянула в рот кончик её пелёнки.

Фаина подумала, что поход по свежему воздуху в Лавру наверняка утихомирил бы капризуль, но вспомнила ледяной взгляд Ольги Петровны и поёжилась.

Нет. Надо погодить, а то не ровён час снова попадёшь в передрыгу. В выражении лица Ольги Петровны тогда проявилось нечто настолько неприятное, отчего у Фаины затряслись поджилки. Давным-давно подобным взглядом смотрел на маму отец, наматывая на руку истрёпанные вожжи. Фаина вспомнила, как захлебнулась собственным криком, который до сих пор стоит в ушах:

– Тятенька, не надо, не бей маму!

Отец отшвырнул её в сторону, как котёнка, и размеренным ударом сбил маму с ног. От ужаса у Фаины свело шею, и она потом едва не полгода ковыляла, подняв одно плечо ближе к уху. Удивительно, как ещё жива осталась.

Дети у матери появлялись каждый год и каждый год умирали.

– Ох, кума, какой у тебя младенец родился, чистенький, беленький, будто ангел, – говаривала матери сватья. – Как хоронить будешь, не забудь надеть рубашечку, что я ему на крестины вышила.

Воспоминания жгли и переворачивали душу.

Согнутым пальцем Фаина смахнула слезу и взглянула на девочек.

Словно поняв её состояние, те на мгновение затихли и лежали рядком, похожие на куклы в магазине игрушек.

Уверенные шаги по коридору раздались, когда Фаина споласкивала пелёнки. Водопровод не работал, дрова надлежало экономить, потому ежедневная стирка превращалась в маленькое приключение, во время которого надо было выбрать момент, пока дети спят, натаскать воды, а потом с руками по локоть дрязгаться в бадье с ледяной водой.

Ольга Петровна вошла не одна. За её плечом маячило бледное и длинное лицо незнакомой женщины.

Фаина почему-то сразу обмякла изнутри, и у неё задрожали пальцы.

– Фаина, я привела новую кормилицу для Капитолины, – с натянутым спокойствием сказала Ольга Петровна. – С этой минуты ты можешь быть свободна.

Комок пелёнок в руках стал тяжёлым. Чтобы прийти в себя, Фаина опустила голову и стала с ожесточением выкручивать пелёнку, покуда она не разорвалась посередине.

– Ты слышала мои слова? – повторила Ольга Петровна. – Оставь стирку и покажи Матрёне ребёнка и комнату.

– А я куда? – онемелыми губами спросила Фаина, заранее зная ответ.

– А ты иди куда хочешь, – Ольга Петровна слегка пожала плечами, – ведь где-то же ты жила до того, как тебя привел сюда доктор. Согласись, что ты достаточно задержалась в нашем доме.

– Но Капа, Капитолина – она привыкла ко мне и к Насте! Вы не можете нас разлучить! – закричала Фаина.

Страх потерять ребёнка, ставшего родным, туманил голову и придавал силы. Она широко шагнула вперёд, готовая встать поперёк двери, но голос Ольги Петровны вернул её к действительности:

– Я хотела дать тебе три дня на сборы, но вижу, что будет лучше, если ты уйдёшь немедленно. Иначе я вызову солдат и тебя выставят. Пелёнки и что там ещё? Ах да, распашонки и одеяло для твоего ребёнка можешь взять с собой, – Ольга Петровна посмотрела на новую няню. – Матрёна, приступайте к работе.

Та широко улыбнулась:

– Конечно, как изволите, барыня... – под твёрдым взглядом хозяйки она запнулась.

Ольга Петровна поморщилась:

– Сколько можно повторять, что бар у нас теперь нет.

– Но я же кормлю! – не сдавалась Фаина.

– У меня молока поболее твоего будет, – отрезала новая кормилица и выступила вперёд. – Где тут дитё?

Она действовала быстро, напористо, с нахрапом, и Фаина не успела опомниться, как оказалась перед дверью с котомкой вещей за плечами и Настей в руках.

Ребёнок орал так, что закладывало уши. Из глубины квартиры эхом откликнулся такой же залихватистый плач, который то захлёбывался, то расходился горячей волной отчаяния.

* * *

Идти было некуда. Прижимая к себе дочь, Фаина столбом стояла посреди двора и думала только о том, что сейчас чужая, недобрая тётка качает Капитолину. Разве та знает, что после кормления Капе надо обязательно пощекотать животик, а перед тем как уложить спать, спеть колыбельную про трёх ангелов? Да и не заснёт Капа без Настёны, так и будет исходить на крик, пока не истратит все силёнки.

Как будто подслушав грустные мысли, Настя выгнулась дугой и издала истошный вопль, больше похожий на кошачий ор.

– Шшшш, тише, тише. – Фаина прижалась губами к потному лобику, выглядывавшему из одеяльца, и двинулась прочь со двора.

– Господи, подскажи, куда податься?

Сгорбившись, она побрела вдоль по улице до площади у Николаевского вокзала, посреди которой грузно и грозно возвышался конный монумент царя Александра Третьего.

«На площади комод, на комод бегемот», – выскочила из памяти забавная частушка, гулявшая по городу со времён установки памятника.

«Сколько я с дитём смогу продержаться побирушкой? День? Два? Неделю? – подумала Фаина с отчётливой безысходностью. – В холодном и голодном городе никто не заметит смерть молодой бабы с ребёнком. Швырнут на похоронные дроги, да ещё и скажут: двумя ртами меньше».

А что, если сесть на ступеньки крыльца, как тогда, когда её подобрал доктор? Вдруг да опять выпадет нечаянная удача.

Она отпрянула к стене, когда мимо промаршировал отряд красногвардейцев с красными нашивками на папах. Из-под их сапог воробьями вспархивали комья весенней грязи.

«Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, хлеб – голодным» – кричал кумачовый лозунг на здании вокзала.

«Хлеб – голодным». – Если бы Фаина могла, она бы зло усмехнулась, потому что власть Советов наплодила столько голодных, сколько России прежде не снилось в самом страшном сне. Но оттого, что горе накрепко свело челюсть, губы не шевелились.

Разлучённая с Капитолиной Настя орала не переставая.

Майский ветер задувал под тонкое пальтецо, и у Фаины очень быстро застыли руки. В поисках тёплого угла она забрела в подъезд с выбитыми дверями и крепким запахом махорки и горелой бумаги. Судя по пеплу и углям, на мраморном полу кто-то разводил костерок, ещё дышащий струйками дыма. С закопчённой лепнины над окном скорбно смотрели две женские головки с отбитыми носами. На верхнем этаже стукнула дверь и раздались медленные шаркающие шаги. Спускалась старуха в чёрной одежде с костистым лицом ведьмы.

– Ты что здесь сидишь? Воровка, что ли?

Фаина покачала головой:

– Нет. Греюсь.

Воровка! Она не могла бы украсть, даже если бы захотела. Давным-давно, ещё мелюзгой, они с подружками попали на гулянье, где пьяный булочник скинул с плеч короб и завалился спать под берёзу. Девки и парни с хохотом растаскивали плюшки и пирожки, озоровали, кривлялись. Кто-то из шутников надел на голову булочнику дырявую корзину без ручки.

– Что же ты, Файка, стоишь? Хватай сушки, ешь! Вкусные! С маком! – подначивали подружки, с хрустом разгрызая перепавшую дармовщинку.

А она робела, комкала в руках косынку и не могла ничего сказать. То ли плакать хотелось, то ли убежать от стыда.

– А коли не воровка, то проваливай отсель! Прочь! Прочь! Убирайся к себе домой!

Посох старухи больно толкал Фаину в плечо и в спину.

Она поймала в кулак конец посоха и крепко дёрнула:

– Хватит драться! Нет у меня дома!

– Как это нет? – Старуха кивнула на ребёнка. – Выгнали небось за то, что в подоле принесла.

– Ни в каком подоле я не приносила. В няньках жила, а хозяйка нашла другую работницу.

– Вон оно как! Совсем народ озверел. – Насупившись, старуха пожевала губами. – Я тебя приютить не могу, у самой полна коробочка. Но ты вот что, девка, походи по дворам и порасспрашивай, где находится Домкомбед, – последнее слово она произнесла с расстановкой, словно заколачивала в стену гвозди.

– Домкомбед? – Фаина подняла глаза. – А что это?

– Домовой комитет бедноты, – сказала старуха. – Ты ведь беднота?

– Да, – кивнула головой Фаина. – Беднее некуда.

– То-то и оно. Значит, тебе туда прямая дорога. Скажи, что негде жить, они помогут. У нас тут в подвале бабёшка жила, Зойка Клыкова, может, слыхала?

– Нет.

– Ну, нет так нет. Так вот эту Зойку Домкомбед определил на житьё – живёт в квартире богатенной купчихи Бояриновой. В самолучшую комнату с этим, как его... эркером!

– Муж, что ли? – тупо переспросила Фаина, прижимая к груди проснувшуюся Настюшку.

– Ох, видать, ты совсем деревня, – вздохнула старуха. – Эркер – это балкон такой. В общем, вставай, выметайся и двигай искать Комбед, пока не стемнело. Нечего на чужой лестнице ошиваться.

Фаине всё равно надо было уходить – не поселишься же навечно в грязном подъезде. Поэтому она покорно встала и пошла к выходу. Может, и вправду поискать этот самый Домкомбед? Название-то какое: дом, да ещё и бед! Беда, да и только!

* * *

Люди в тёмном, тёмное небо, тёмный город – тьма пеленой качалась перед глазами, сливаясь в замкнутый круг без входа и выхода.

Пока в поисках Комитета бедноты Фаина кружила по улицам, стало смеркаться, и по пустынным мостовым стучали лишь шаги патрулей. Заслышав их, она пряталась во дворах, помнила, что вот так же ушёл из дому Василий Пантелеевич, а потом его нашли убитым.

Боялась не за себя – за ребёнка, ведь случись что с матерью, разве сможет выжить никому не нужное дитя? В лихую годину не до милостыни. Нынче не прежнее время, когда подкидышей подбирали сердобольные люди и определяли в приют. Бабы болтали, что некоторые специально своих младенцев отдавали в казённый дом, потому как там сироток примерно выучивали, определяли к ремеслу, а по выходе приписывали к мещанскому сословию и выдавали хорошее пособие на обустройство хозяйства.

Сквозь буруны туч по небу упрямо катился диск луны. Приложив ребёнка к груди, Фаина достала из кармана кусок хлеба и закусила зубами сухую горбушку. Завтра хлеба уже не будет. От переживаний и усталости её колотила дрожь.

– Стой, где стоишь! Не двигайся!

От внезапного окрика Фаина вздрогнула, повернулась и увидела нацеленный ей в лицо штык винтовки. Судорожным движением она прикрыла собой Настю:

– Нет! Не трогайте ребёнка!

Темнота двора мешала рассмотреть людей, и Фаина не понимала, красногвардейцы это или бандиты, или и те и другие одновременно, но знала одно – она должна любой ценой спасти жизнь своей крохи, а значит и свою жизнь.

– Эй, да здесь баба! – раздался удивлённый молодой голос. – Кто такая?

– Солдатка я, – сказала Фаина, – ищу Домкомбед.

Боец, нацелившийся на неё штык, закинул винтовку за плечо:

– Иди вперёд, да не рыпайся, а то не посмотрю, что солдатка. – Он оглянулся на товарищей. – Может, она врёт, а сама буржуйка недорезанная.

Он смачно, со свистом всосал через губу воздух и сплюнул себе под ноги.

– Будет тебе, Лёшка, бабоньку страшать, – сказал кто-то из патруля. – Не видишь, что ли, она с дитём?

Тот, что тыкал штыком, огрызнулся:

– Подумаешь, с дитём! Мы здесь всяких видели! – Протянув руку, он схватил Фаину за рукав. – А ну-ка, давай пошли с нами, там разберёмся, кто ты есть на самом деле.

Фаина нехотя поддалась, но в этот момент со стороны улицы раздался крик и послышалось несколько выстрелов. Хватка ослабла, и она снова осталась одна, не зная, куда деваться и где спрятаться.

Наугад пошла длинным проходным двором с вывороченными булыжниками под ногами. Посреди двора валялось старое тележное колесо, стояла чугунная чушка, топорщилась груда каких-то черепков – то ли битые горшки, то ли кирпичная крошка. Не успела повернуть за угол, как уши снова полоснул резкий голос:

– Стой на месте! Руки вверх.

Какое вверх, когда дитя в охапке? Крепко, как только могла, Фаина стиснула Настю и вдруг поняла, что крыши соседних домов мягко сдвинулись вместе и закутились перед глазами.

* * *

Домкомбедовка Мария Зубарева давно забыла, когда заваривала нормальный чай, плиточный или байховый – всё равно какой, лишь бы настоящий. Чаёвницей она была знатной: под сушки с вареньицем да под пилёный сахар вприкуску одна могла полсамовара выдуть. А если бы напротив сидел сердечный друг Васька-приказчик, то у-у-у...

Васька сгинул без следа вскоре после разорения лавки купца Яхонтова, даже попрощаться не пришёл, пёс шелудивый, а ведь сколько на него было сил положено, сколь пирогов напечено, сколько песен вместе спето...

Казалось, не год прошёл с сытного царского времени, а целая жизнь промелькнула, перемолочивая в труху одних и возвышая других. Взять хоть её, Машку Зубареву, работницу с Клеёночной фабрики. Кем она при царе была? Чёрной костью, подай – принеси – пошла вон. А нынче? Нынче она товарищ Зубарева – председателыша Домового комитета бедноты, стало быть, советская власть.

Вздыхнув, она в два глотка допила стакан кипятка, подкрашенный щепотью сушёной рябины, и встала. Время позднее, пора домой. Не торопясь – никто не ждал – она перевязала вокруг шеи мягкий кашемировый платок, выменянный у какой-то бывшей дамочки за шматок сала, и решительно захлопнула толстую книгу со срамными картинками голых баб и мужиков. Профессор Колесников из третьей квартиры говорил, что эта книга об искусстве Возрождения, и просил не пускать её на самокрутки, а отдать в библиотеку, мол, ценная вещь. Видать, от учёности у профессора мозги набок съехали, раз такое непотребство хвалит. Правильно буржуев солдаты с рабочими в кулак зажали, ох, правильно! То ли дело лубочные картинки из календарей – любо-дорого поглядеть да на стенку повесить: тут тебе и барышни в кокошниках, и лебеди по озеру плывут или мишки в лесу по дереву карабкаются, одно слово – красота!

Шум и крики на лестнице заставили её взять в руку керосинку и выглянуть наружу. У дверей несколько солдат чуть не волоком тащили какую-то девку с растрёпанными косами. Один из патруля неловко держал в охапке ребёнка. При виде её он с явным облегчением выдохнул:

– Здесь, что ли, Домкомбед?

Мария привыкла держаться настороже и хотя понимала, что перед ней революционный патруль, на всякий случай спросила:

– А вам-то что? Вы кто такие будете? Предъявите мандат.

– Редька тебе, а не мандат, – оборвал её пожилой красногвардеец в мятой папахе, – видишь, руки заняты. Сперва прими груз, – он кивнул головой на молодайку, которая слабо простонала то ли «ай», то ли «ой».

– Да вы что, мужики? Куда мне её? – едва не в голос взывала Мария. – У меня и так хлопот полон рот!

– А нам тем более такую обузу не надо. Мы город охранять поставлены, а не цацкаться с убогими. – Пожилой обернулся к солдату с ребёнком. – Давай, Сомов, клади чадо на стол, да пошли отселева. Некогда прохлаждаться: нас с караула никто не снимал. – Он косо взглянул на Марию. – Ты власть, ты и разбирайся.

Топоча сапогами, патрульные ушли, оставив на полу женщину, а на столе – орущего ребёнка. Он выгибался дугой возле чернильницы-непроливайки. От его настырного крика закладывало уши. Девочка – а Мария враз определила, что младенец женского пола, – была крепенькой и голубоглазой, со светлыми волосиками на потном лбу.

– Ори не ори, а видать, помирает твоя мамка, – хрипло сказала Мария, подбирая ребёнка на колени. – Придётся тебе, милая, расти в приюте. Ну, да ничего, я сама приютская, а видишь, выросла, выдюжила, а тебя народная власть не бросит, она сирот уважает.

Говорила и сама не верила тому, что несёт, потому как сирот да беспризорников по городу болталось тьма тьмушая. Иные и умирали под забором, не дождавшись помощи. Но девчоночка, видать, ей поверила и замолчала, обиженно пришлёпывая розовыми губёнками.

Осторожно, одним пальцем, Мария провела по тугой младенческой щёчке и внезапно захолонула от нежности, так ясно и больно вспомнилась крошечная дочурка, которую десять лет назад унесла дифтерия. В последние годы казалось, что комок горечи от страшной потери давно выскочил из горла и в прах рассыпался под ногами, ан нет, поди же ты, помнит сердце потерю, ох, как помнит!

– Марфушка, дитяtko, – сами собой шепнули губы. – Не помня себя, Мария вскочила и прижала ребёнка к груди. – Спасу тебя, милая, не дам погибнуть.

В мыслях уже мелькало, что надо бежать к Прасковье Чуйкиной, что обосновалась в дворницкой, она кормящая, за лишнюю пайку хлеба не даст ребёнку оголодать.

Женщина на полу слабо заворочалась, дрогнув веками на закрытых глазах. Наверняка тифозная. Как помрёт, придётся завтра отправлять покойницу на кладбище, а опосля перемыть пол и от заразы окуривать коморку вонючей серой.

И принесла же нелёгкая этот патруль!

О том, что ребёнок тоже мог оказаться больным, не думалось. Широко шагнув, Мария захлопнула за собой дверь и стремглав помчалась к вдове Чуйкиной.

* * *

Фаина лежала на полу, а вокруг неё был тёмный смертельный холод, наползавший из всех щелей. Холод сочился по полу, заползал в рукава и ледяным сквозняком дышал в шею. Чтобы согреться, она попыталась съежиться в комок, но не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Сперва заморозило ноги и грудь, потом холод подобрался к горлу, ледяной коркой запечатав и без того тихий стон. Когда сил сопротивляться совсем не осталось, телу внезапно стало мучительно жарко. Бессознательными движениями Фаина сдёрнула с головы платок, рванула пуговицы жакета, засучила ногами по доскам, выгнулась дугой и со страшным усилием смогла приоткрыть веки. Прежде чем стали проступать очертания вещей, какое-то время перед глазами качалось вязкое марево белой пелены, похожей на густой туман. Потом из тумана стали постепенно проступать очертания стен и полоска широкого подоконника с засохшим цветком герани в горшке.

Насколько хватило обзора, она обвела взглядом серый потолок с клином света из окна и лампой из давно не чищенной бронзы. Повернув голову набок, увидела ножки письменного стола, край плюшевой кушетки, высокий буфет с резным кокошником, явно из богатого дома. Очень хотелось пить. Сухим языком Фаина провела по запёкшимся губам и тут отчётливо и страшно поняла, что рядом с ней нет ребёнка.

Настя! От ужаса на миг она провалилась куда-то в небытие. В голове и груди стало звонко, пусто и гулко.

– Настя! Настя! Доченька!

Вместо крика у Фаины из глотки вырывался скрип, но она продолжала звать и звать в дикой надежде услышать в ответ слабый писк или громкий ор – всё равно, лишь бы услышать.

Она ползала на коленях по полу, зачем-то заглядывала под буфет, выдвигала ящики письменного стола, с тяжёлой одышкой отодвинула от стены кушетку.

– Настя, Настёна! Доченька моя родная!

Её стошнило прямо посреди комнаты, и в голове стало яснее. Вспомнилось, как бродила по улицам в поисках Домкомбеда и прижимала к груди ребёнка. Как нарвалась на патруль, как колючий штык больно и твёрдо упирался ей в спину. Неужели Настя осталась лежать там, во дворах? В приступе безумного страха она метнулась к двери и застучала кулаками:

– Откройте, пустите, у меня там дочка!

Дверь не поддавалась. Она обернулась к столу, выхватив взглядом тяжёлое бронзовое пресс-папье. Непонятно, откуда взялись силы, но после нескольких ударов по замку дверь распахнулась, и Фаина выскочила на улицу, окунаясь в волну холодного воздуха с каплями дождя.

Обезумев, она кружила из двора во двор, заглядывала в парадные, вставала на колени у разбитых подвальных окон. Платок слетел с плеч и потерялся. На неприкрытую голову моросили капли дождя, стекая по щекам за шиворот.

– Ребёнок? Вы не видели здесь ребёнка в зелёном одеяльце?

Лица прохожих стирались в сплошную маску без глаз, без носа, безо лба. Только губы, которые с тяжёлым упорством шевелились в ответе: «Нет. Не видали, не слышали».

Заметив патруль, она наперерез бросилась к солдатам:

– Братки, солдатики, не вы меня вчера здесь арестовывали? Я ещё с ребёнком была!

– Снова хочешь? Понравилось? – весело выкрикнул один, но, взглянув в её тёмное и страшное лицо, осёкся: – Нет, сестрёнка, мы другой участок обходили, возле Сенной, а кто здесь теперь, не сыщешь. Нас без разбору бросают туда-сюда.

Не сыщешь...

Прислонясь спиной к стене, Фаина подняла глаза к небу в рваных дождевых тучах, и оно показалось ей бездонной дырой, куда можно броситься и исчезнуть. Эх, кабы так!

– Матерь Божия, помоги! Не допусти!

На неё напала дрожь, сотрясавшая всё тело, но всё же она продолжала безостановочно звать к серой бездне, что колыхалась над головой:

– Матерь Божия, услышь меня! Спаси и сохрани моё дитя под кровом Твоим!

* * *

– Ну, показывай, Манька, где твоя покойница и куда её выволакивать?

Поёжившись с похмелья, дворник Силантий рванул на себя дверь Домкомбеда и заглянул внутрь.

– Сам знаешь, куда померших вывозят. Не мне тебя учить, – огрызнулась Мария Зубарева, – у меня и без тебя хлопот во, по горлышко! – Она провела ребром ладони по воротнику плюшевой кацавейки, что колоколом болталась на её костлявых плечах.

В знак неодобрения Силантий громко цыкнул зубом и сморщился:

– Эх, Машка, вожжами бы тебя отхлестать за дерзость. Разве можно бабе так с мужчиной обращаться? В прежнее бы время...

– Но-но-но, не забывайся. Я теперь тебе не Машка, а уполномоченная, – Мария ткнула Силантия кулаком в спину, – велено тебе очистить помещение – значит, не рассуждай, а исполняй приказание.

– Так чего делать-то? – Силантий обшарил взглядом комнату с вывороченными ящиками письменного стола. – Нету твоей покойницы.

– Как нету? А где она?

– Видать, вознеслась. – Силантий перекрестился.

– Ты шуткуй, да не заговаривайся.

– Сама гляди.

Силантий посторонился и пропустил Марию вперёд. Наступая на разбросанные бумаги, та потопталась посреди комнаты и развела руками:

– Ушла.

– Ясно ушла. Очухалась и убрела восвояси. Вишь, замок сломан. Сильная, видать бабёшка попалась. – В его голосе зазвучало уважение. – Хотя моя Лукерья не слабого десятка, а такую крепкую щеколду не выворотила бы. В общем, с тебя, Машка, простав за беспокойство.

– Да оставь ты со своим балаганом. – Крепко растерев ладонями щёки, Мария оперлась коленом на сиденье стула. – Ежели баба жива, то как мне быть с ребёнком?

Силантий широко зевнул:

– С каким таким ребёнком? Не возьму в толк, о чём ты мелешь?

Остановившись на полуслове, Мария прикусила язычок:

– Это я так, болтаю что ни попадя. Солдаты мне вчера найдёныша принесли. Сказали, около Гостиного Двора подобрали. Вот и думаю вслух, куда бы его приспособить. Сам понимаешь, что ни случись – все к председателю бегут. Будто бы у нас не Домкомбед, а пожарная команда. – Она подумала, что будет сподручно, если Савелий сейчас исчезнет с глаз и забудет о разговоре навсегда, а потому придётся выдать ему чекушку самогона, припрятанную на крайний случай.

Мария придвинула стул к буфету и достала с верхней полки бутылку с белёсой жидкостью:

– На, ненасытная твоя утроба. Похмелись, пока я добрая, да смотри не ужрись до белой горячки. Помни, что завтра поутру надобно выгонять буржуев на трудработы – брусчатку на мостовой укладывать, а то ни пройти и ни проехать.

– Так точно, ваше благородь! – задрожав ноздрями при виде чекушки, выкрикнул дворник. – Не извольте беспокоиться, приказ исполню в лучшем виде.

Перед тем как прижать взятку к сердцу, он смачно поцеловал мутное горлышко, заткнутое сургучной пробкой, и в мгновение ока улизнул в раскрытую дверь.

* * *

Ольга Петровна мучилась мигренями с гимназических лет. Если уж заболит голова, то на неделю, если не на месяц. Сейчас она сидела, сжимая виски ладонями, и лицо молодого человека, ворвавшегося в кабинет, выглядело то фиолетовым, то ярко-оранжевым, наподобие апельсиновой кожуры.

Гера работал в отделе совсем недавно и буквально кипел трудовым энтузиазмом.

– Ольга Петровна, я не могу усидеть на месте! Вы понимаете, что значит новый указ Исполкома Петросовета? Нет, вы только послушайте, теперь власть в Петрограде называется Советом народных комиссаров Петроградской трудовой коммуны! – Воздев руку, он вытянулся во фронт и закатил глаза к потолку. – Коммуна! Мы – коммунары! Продолжатели дела великой Французской революции, вершители судеб не только России, но и всего человечества! Вот этими самыми кулаками мы, коммунары, разобьём цепи рабства.

Нервическим жестом молодой человек сунул под нос Ольге Петровне тощие пальцы с обкусанными ногтями и большой бородавкой на костяшке.

«Ещё немного, и он сорвётся на визг», – подумала Ольга Петровна, нащупывая болезненную точку в районе ушной раковины. Осторожными движениями она помассировала мочку – иногда подобные манипуляции помогали притупить приступ мигрени.

– Гера, не могли бы вы говорить немного тише, у меня очень болит голова.

Он явно обиделся:

– Ольга Петровна, я к вам как к другу, как к старшему товарищу, а вы меня укоряете. Наш отдел агитации сейчас готовит плакаты. Мне поручено стихи написать. Вот, послушайте...

– В другой раз, Гера, – остановила его Ольга Петровна, – мы с товарищем Кожуховым отбываем на совещание к Григорию Евсеевичу Зиновьеву.

Показывая, что разговор окончен, она встала.

– К председателю Петросовета? – Гера удивлённо поднял брови. – Зачем? Он же вчера сюда заглядывал вместе с женой, то есть с товарищем Лиловой.

– Затем, Гера, что Петроград на грани голода. – Чтобы осадить юнца, Ольга Петровна произнесла фразу подчёркнуто деловито. – Вы, например, знаете, что в марте в Петроград прибыло всего восемьсот вагонов с продовольствием? Восемьсот на полуторамилионное население! В городе начинается массовое поедание животных. Нам надо установить нормы выдачи хлеба людям.

Ольга Петровна не имела права разглашать тайну, но уж очень хотелось поставить этого свистуна на место. Стишки он, видите ли, строчит! Стихами, даже самыми гениальными, сыт не будешь. Вон, недавно видела Блока. Исхудал чуть не до костей. Тоже спрашивал про продовольствие и бормотал про нужду, голод, отсутствие масла в магазинах. Потом прочёл своё новое стихотворение, что-то про белый венчик из роз, и невпопад добавил: «А у меня в деревне библиотеку сожгли». И было видно, что библиотека мучит его больше всего.

Глаза Геры стали круглыми и несчастными. Он громко сглотнул:

– Нам что, паёк уменьшат?

От него шёл противный запах сушёной воблы, которую сегодня утром выдавали в буфете по две штуки на персону. Её рыба лежала в газетном свёртке в сумке, а Гера, надо полагать, свою немедленно съел.

С каменной спиной Ольга Петровна прошла мимо Геры. Она вставила ключ в замочную скважину и твердо сказала:

– Вынуждена распрощаться.

– Да, да. – Он дёргано засуетился, словно его руки и ноги болтались на шарнирах. Перед тем как уйти, Гера пылливо заглянул ей в лицо. – Но нам же не уменьшат паёк, верно? У меня мама, сёстры, братишка маленький. Вы уж там похлопочите перед Зиновьевым, чтобы своих, то есть нас, подкармливали.

– Обязательно похлопочу, – произнесла Ольга Петровна, мысленно прибавив, что у неё, как у письмоводительницы, Зиновьев точно не станет спрашивать совета. Правда, Гере об этом знать не нужно.

* * *

Фаина вымокла насквозь. Дождик трусил мелкий, незаметный, вроде бы невесомый, но за несколько часов, пока она металась по дворам, одежда превратилась в тяжёлые сырые тряпки. Спрятавшись под арку, она отжала шерстяной платок и снова надела на голову. Проходившая мимо женщина с кошёлкой в руке покосилась на неё с опасливой подозрительностью.

С каждым шагом надежда найти Настю уменьшалась. От мысли, что, может быть, именно сейчас, в эту самую секунду, брошенный ребёнок погибает страшной смертью, заставила её поднять голову и завывать. Перед глазами закачался козырёк мансарды пятиэтажного дома. Если подняться на последний этаж и шагнуть в распахнутое окно, то мир перестанет существовать,

а вместе с ним уйдут страх и горе. Так просто и быстро. Но тогда она ни на этом свете, ни на том больше не увидит свою девочку. Страшный грех будет волочиться сзади и цеплять за ноги, беззубым ртом шамкая проклятия в адрес самоубийцы. Он падёт не только на её душу, но и на всю семью. Нет! Нынче не время помирать – надо выжить, обязательно выжить. Главное, уповать на Бога и не отчаиваться. Не могла Настя сгинуть без вести, если продолжать искать, но наверняка найдётся хоть какой-нибудь след, и тогда...

Фаина почувствовала, как по спине прокатился жар лихорадки и ноги ослабли.

Присев на мокрую скамью, она перехватила взгляды двух мужиков, что стояли возле парадной, и голосом скулящей собаки спросила:

– Дяденьки, не видели здесь во дворе ребёнка? Девочку. В зелёньком одеяле?

Один из мужиков в извозчичьей одежке – бородатый и кучерявый – покачал головой:

– С утра не видели, а ночью кто его знает. В нынешние времена народ сидит по домам, как крысы в норах. – Он зло сплюнул под ноги, посмотрел на стоящего рядом и продолжил: – Будь проклята эта революция. Свободы голодранцам, видите ли, не хватало. Что, Матвей, глаза-то воротишь? Твоя баба на митинги с пустой кастрюлей бегала, за демократию ложкой стучала. Как у ей сейчас, в кастрюле-то, густа каша?

Тот, которого назвали Матвеем, встрепенулся, но быстро поник с опущенной головой:

– Твоя правда, Аристархушка, надо было её, шалаву, взаперти держать, да кто ж знал, что дело повернёт к худу. Думали, лучше будет, как от господ освободимся.

– Ни шиша вы не думали, – озлился первый, – хотели урвать кусок на дармовщинку. Как же – свобода! Бери, что хошь! Вот что я тебе скажу, Матвей, та свобода не от господ, а от совести та свобода. Не одумается Россия – понесёт её, как лошадь по кочкам, так что юшка из носа выльется. Рыдать будем, волосья на голове рвать, а всё потому, что бабы с кастрюлями на голове по улицам бегали. Вон, Дуська твоя зимой щеголяла в шубейке госпожи Леоновой из пятого дома. Шубейка богатая, спору нет, и Леонова дрянь первостатейная. Но разве стоит литься шубейка того, чтоб брать на душу грех воровства? Ну-ка, положи на весы то и другое, что тяжельше?

– Ты, Аристархушка, одной моей Дуське революцию не приписывай. На демонстрации много народу было, толпа в тысячи глоток орала.

– То-то и горе, что много. Слышал небось про барана-проводника, что ведёт стадо на бойню? Овцы чувят кровь, артачатся, блеют. Тут мясники и выпускают к ним жоака, чьё дело кинуть их в мясорубку. Когда вы с твоей Дуськой будете пустые щи хлебать в нетопленной комнате, то подумай, за кем вы пошли вместо царя-батюшки.

– Так он сам отрёкся, – вякнул Матвей.

– Потому и отрёкся, дурья твоя башка, что вы его предали. Скакали, в кастрюли стучали, орал: «Долой самодержавие!» Али не так было?

Ещё немного, и перепалка грозила перерасти в драку. Фаина встала и прошла сквозным подъездом, где сильно дуло из разбитых окон. Другой стороной подъезд выходил на Литейный проспект, год назад полный народу, а теперь тихий и безлюдный. Длинный хвост очереди стоял лишь у Мариинской больницы.

– Эй, девка, куда прёшь? Становись в конец, – скомандовала какая-то бабулька в чёрном платке, и Фаина, сама не зная зачем, послушалась.

Очередь двигалась медленно. Кто-то исчезал за воротами, кто-то выходил обратно, как правило, это были хорошо одетые люди, по виду «из бывших». Позади пристроилась заплаканная дамочка с измождённым лицом. Она рылась в сумочке, перекладывала бумаги из одного кармашка в другой и робко вопрошала людей в очереди:

– Как думаете, меня пустят? Не выгонят?

Ей не отвечали, и дамочка снова принималась щёлкать замком сумочки.

Когда Фаина подошла к воротам, она окончательно продрогла. Ребёнок на таком холоде и пары часов не протянет. Чтобы не зарыдать, она начала читать про себя молитву и остановилась, лишь оказавшись перед глазами женщины в сером платке, что сидела за канцелярским столом в узком помещении привратника.

– Кто такая? – В ожидании ответа губы женщины сомкнулись в прямую линию. – Рабочая? Крестьянка?

– Я няня, – сказала Фаина и поправилась. – Была няней, а теперь никто.

– Значит, пролетарка, – сказала женщина. – Безработная?

Фаина кивнула головой:

– Да.

– Мужняя?

– Нет. Вдова солдатская.

Женщина сделала пометку в амбарной книге и протянула Фаине несколько бумажек с мутно голубым штампом.

– Талонов на обед даю на три дня, и имей в виду, еду с собой уносить нельзя. Столовая там, – перьевой ручкой женщина ткнула в сторону кирпичного корпуса, стоящего поодаль от основного здания.

Кажется, в оловянных мисках плескался жидкий суп из конины с комочками слипшейся пшёнки. Есть совершенно не хотелось, но Фаина заставила себя взять ложку, а когда тёплое, безвкусное варево согрело желудок, поняла, что Господь подпитал её ради того, чтобы отыскать дочку. И она во что бы то ни стало найдёт.

* * *

– Скверно. Скверно, скверно, скверно!

Бывший биржевой маклер Мартемьян Григорьевич криво усмехнулся. Со времени Октябрьского переворота все дни делились на скверные и очень скверные. Нынче, пожалуй, второе.

Семящей походкой он подошёл к буфету и налил в хрустальную рюмку с серебряным ободком ликёр из старых запасов. Полюбовался на свет тягучей жидкостью цвета чёрного жемчуга с перламутровым отливом. Помнится, в девятьсот десятом году вышел большой скандал с чёрным жемчугом графини Панариной, в котором оказался замешан посол Франции. Газеты буквально взрывались статьями, перекрывшими даже интерес к убийству поручика Бутурлина посредством заражённой иглы.

Да, раньше были времена, а теперь моменты. Смакуя густой шоколадный вкус, Мартемьян Григорьевич пошлёпал губами. Аромат ликёра будил в памяти атмосферу ресторана, звон бокалов, запах еды и дамских духов, песни цыганского хора – на сцене блистала певица Нина Шишкина – маленькая, горбатенькая, с удивительно красивым личиком падшего ангела. По слухам, теперь она везде таскается за поэтом Гумилёвым, и он называет её своей музой.

Опустевшей рюмкой Мартемьян Григорьевич отбил по столешнице несколько тактов дуэта озорной оперетки, но плохое настроение не улучшилось. До веселья ли, если вчера в собственной прихожей он наткнулся на – вы только подумайте! – на революционного матроса, опоясанного этими ужасными пулемётными лентами. От наглой ухмылки усатой рожи, увенчанной бескозыркой, Мартемьяна Григорьевича передёрнуло. Сперва он подумал, что за ним пришли взять в заложники, но вовремя вспомнил об охранной грамоте за подписью главаря коммунистов Ульянова-Ленина и приосанился:

– Вы кто такой?

За его спиной маячило смущённое лицо горничной.

– Жених! – Огромная лапа матроса опустилась на Маруськины плечи, отчего щёки шалавы огненно зарделись.

Мартемьян Григорьевич был фраппирован. Предупреждал ведь, козу окаянную, чтоб посторонних в дом ни-ни. И вот, нате вам с кисточкой. Матрос!!! С патронами!!! Спасибо хоть пулемёт с собой не приволок!

Пришлось Маруську спешно выставить с работы. И даже не за послушание, а за волну липкого страха, что холодом прокатилась по внутренностям и заставила сердце испуганно замереть.

Изгоняя из души воспоминание о гнусных минутах, Мартемьян Григорьевич налил себе следующую рюмку и подумал, что теперь придётся искать новую прислугу, да такую, чтоб умела держать язык за зубами.

На звонок в дверь он потащился нехотя, через силу. К тому же звонили не условленным сигналом: один, два, три через интервал, а сплошным треньканьем механической рукоятки о колокольчик.

– Кто там? Кого вам надо?

Когда сквозь толщу двери, обитой войлоком и кожей, донёлся тонкий девичий голос с просьбой насчёт любой подённой работы, Мартемьян Григорьевич закатил глаза под потолок и с облегчением подумал, что в честь удачи не грех пропустить и третью рюмочку.

* * *

Нельзя сказать, что у Мартемьяна Григорьевича на долю Фаины приходилось много тяжкого труда. При всём своём барственном виде новый хозяин оказался неприхотлив в еде и редко придирался к качеству уборки. Утром она относила ему кофе в постель, днём варила кашу или делала омлет. Ужинал Мартемьян Григорьевич, как правило, вареной картошкой или макаронами с зелёным сыром. Фаина не могла взять в толк, чем он занимается и откуда в доме хорошие продукты, кофе и шоколад – чего не было даже в пайке у Ольги Петровны. Судя по всему, новый хозяин нигде не служил, потому что спал допоздна, завтракал и исчезал часов до пяти вечера. Впрочем, похождения Мартемьяна Григорьевича Фаину не волновали, потому что её интересовало только собственное пропавшее дитя, и ничего более.

Всё свободное время она кружила по дворам, расспрашивала, заглядывала в лица детей, напрягала память, пытаясь отыскать следы Насти. Никто не видал, не слышал, и лишь однажды усталая женщина с корзиной белья посетовала:

– Тебе бы, девка, нашу домкомбедовку расспросить, Машку Зубареву, она в здешних дворах хозяйничала и ей обо всех найдёнышах докладывали. Да она, окаянная, в одну ночь куда-то съехала с квартиры.

– А куда, тётенька? Где найти эту Машку? – уцепилась за слова Фаина, чувствуя, как сердце вдруг встрепенулось и забилось пойманной птицей.

– Да кто ж её знает, куда? Мы с бабами тут судили-рядили, но так и не раскумекали: Ленка-подёнщица думает, что Машка в деревню подалась на подкорм, а Лукерья извозчикова говорит – якобы, убили её. Слыхала, небось про бандитов, что по ночам шлындают. А у Зубаревой пропуск был на комендантский час. Вот и соображай сама. – Женщина взвалила корзину на плечо и вздохнула: – Точно убили.

Когда становилось совсем невмоготу, Фаина бегала к дому Ольги Петровны и ждала, когда няня с плоским лицом каменной рыбы выйдет погулять с Капитолиной на руках. Капа беспрерывно плакала, и Фаина тоже начинала всхлипывать, чувствуя, как её сердце разлетается на мелкие кусочки.

По вечерам Мартемьян Григорьевич принимал гостей. Они приходили к нему почти крадучись, подолгу оставаясь на лестнице и вслушиваясь в шаги за спиной.

Публика была разношёрстная, начиная от лапотных крестьян и заканчивая графинями и княгинями. После их визитов Фаина слышала, как в комнате хозяина мелодично пел замочек денежной шкатулки и раздавалось довольное мурлыканье хозяина, похожее на урчание сытого кота.

Иногда Мартемьян Григорьевич растворял дверь и кричал:

«Фаина, принимай провиант!»

Тогда в руки Фаине перекочёвывали свёртки с мясом, маслом, сахаром и тому подобным дефицитом, не доступным простым горожанам.

Жалованье Фаина не просила, работала за еду. Главное требование, выдвинутое при найме, – держать язык за зубами, а при появлении посетителей немедленно уходить в кухню и не показываться на глаза.

– Если узнаю, что ты подслушиваешь или подсматриваешь, задушу своими руками, – сразу предупредил хозяин, и хотя тон был спокойный, не угрожающий, Фаина сразу поверила, но не испугалась. Теперь в ней жил единственный страх не найти Настю, а всё остальное значения не имело.

* * *

– Замолчи, наконец! – Матрёна в ярости схватила тщедушное тельце Капитолины и несколько раз с силой тряхнула. Ребёнок заорал ещё громче, судорожно отталкивая от себя бутылочку с молоком.

– Гадина, дрянь! – Матрёна не жалела ни слов, ни шлепков. Всё равно никто не увидит. Ольга Петровна целый день пропадает на службе, и, кроме того, ей совершенно нет дела до дочки. Матрёне ещё ни разу не доводилось подмечать у матерей такого равнодушного взгляда, каким Ольга Петровна смотрит на Капитолину. А ведь младенцев через её руки прошло немало. Если посчитать, начиная с шестнадцати годов, то штук десять, если учесть близняшек присяжного поверенного Горенкова. Там мамаше тоже было не до дитятей, она, вишь, писательницей заделалась. Заходила в детскую лишь поинтересоваться, нет ли у детей жара, или когда гости приходили, чтоб похвастать своими золотушными отпрысками, не выговаривающими половину букв.

– Вообразите, господа, мои дети в три года читают наизусть стихи Бальмонта! – хвалилась писательница, кокетливо вздымая белые руки, унизанные кольцами и браслетками. – Скоро они начнут самостоятельно писать поэмы.

Недавно Матрёна признала писательницу в одутловатой барыне, что шваркала по тротуару лопатой на трудаботах. Рядом с ней ковырялись в сугробе двое мальчишек лет семи – Кока и Лёка. Высмотрев в грязном снегу какую-то крошку, Лёка молниеносно схватил её и сунул в рот, за что Кока двинул его кулаком в бок.

Чужих детей Матрёна ненавидела, но считала, что кормилицей быть лучше, чем прачкой, тем паче что собственные дети росли в деревне у бабушки и не докучали капризами. Оттуда, из деревни, она потихоньку вывозила картошку и меняла на золото с блестящими камушками. После одного удачного обмена в ушах появились серьги в виде ладьи, усеянной бриллиантами. До поры до времени Матрёна прятала серьги под платок, потому что на улице лютовали воровство и разбой, но ничего, советская власть наведёт порядок, и тогда ничто не помешает трудовому элементу жить вольготно и счастливо.

* * *

Петроград стремительно вымирает, констатировала Ольга Петровна. Проезжая вдоль Невского проспекта, она насчитала трех мёртвых лошадей с распоротым брюхом и только одного человека, уныло тащившего за плечами вязанку хвороста из Михайловского сада.

Кофейня на углу Караванной улицы, где прежде продавали отменные пирожные с взбитым кремом, жутковато и чёрно зияла выгоревшим нутром. Разноцветные стёкла Елисейевского магазина были выбиты, и в одной из витрин сидела облезлая кошка. Утром товарищу Кожухову протелефонировали из Петросовета и срочно вызвали на совещание. Со стаканом чая в руке Савелий выглянул из своего кабинета в приемную и скомандовал:

– Оля, собирайся, поедешь со мной в ЧК. За нами заедет Моня.

С ноткой презрения Моней Кожухов называл Моисея Соломоновича Урицкого. Ольга Петровна его терпеть не могла. Приземистый, горбоносый, с кудрявой маленькой головой, вдавленной в плечи, в её воображении Моня Урицкий трансформировался в подобие вампира, что неустанно рыщет в поисках свежей крови. Впрочем, подобная характеристика вполне соответствовала действительности, потому что Петроград кишел слухами о его садистской жестокости.

Теперь они сидели в автомобиле, что ехал на Гороховую улицу в здание бывшего градоуправления, где нынче обосновалась Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, сокращённо ЧК.

Несмотря на конец августа, погода стояла холодная и ветреная, поэтому брезентовый верх машины был поднят, но в спину всё равно поддувало. Ольга Петровна пожалела, что выскочила в лёгком жакетике и не покрыла голову шалью. Хорошо, хоть на ногах высокие ботинки, а то и простудиться недолго.

Когда проехали мимо очередной павшей лошади со страшной оскаленной мордой, Ольга Петровна вздохнула тихонько, чтобы её не услышали спутники. Ни к чему показывать свою склонность к сантиментам, но некстати вспомнилось, что на этом самом месте прежде стояла цветочница, и муж иногда покупал чудные букетики фиалок с хрустальными капельками воды на густой зелени листьев.

– Революция требует жертв, – сквозь зубы сказал Урицкий, обращаясь к Кожухову. Выдержав паузу, он оглянулся на заднее сиденье: – Ольга Петровна, я слышал, вы живёте в своей старой квартире.

Она пожала плечами:

– Да. У меня дочь, няня.

Сквозь пенсне Урицкий с укором посмотрел на Кожухова:

– Что же ты, Савелий, кадры не бережёшь? В городе опасно, на улицах разгул бандитизма. Да и под нашу, революционную чистку попасть несложно. – Он отвратительно хихикнул и снова коротко взглянул в сторону женщины. – Ольга Петровна, перебирайтесь к нам, в «Асторию», где живёт всё руководство. Там на первом этаже пулемёты, охрана, и в ресторане умеют чай заваривать, Ильич пил да подхвалявал. Он у нас знатный любитель хорошей заварки.

– Я слышала об этих пристрастиях товарища Ленина, – сказала Ольга Петровна исключительно из вежливости, потому что разговаривать с Урицким ей не хотелось, а он явно напрашивался на беседу.

– Кстати, к вопросу о чае, – вставил Кожухов, – я был удивлён, когда одним из первых распоряжений советской власти Владимир Ильич подписал декрет о конфискации всех запасов чая на территории России и создании Центрочая. Теперь понимаю, почему.

Урицкий неприятно и хрипло засмеялся:

– Вот-вот. Как говорят по-русски: выпей чайку – забудешь тоску.

Не доехав до Адмиралтейства, машина остановилась. Выходя, Урицкий галантно подал руку Ольге Петровне, и ей ничего не оставалось, как опереться. Его ладонь была холодная и влажная, как спнулая рыба.

Прежде Ольге Петровне не доводилось посещать Чрезвычайку. Коротко, на ходу раздавая указания, Урицкий провёл их с Кожуховым в просторный актовый зал с белыми колоннами и золочёной мебелью, покрытой белой парчой. Зал наверняка помнил подошвы балетных туфелек и лакированных штиблет, удивляясь, зачем его заполнил топот сапог и откуда на паркете оказались окурки с крошками махорки и шелуха от семечек. В одном конце зала за длинным деревянным прилавком находился ряд наудачу расставленных канцелярских столов, заваленных грудями бумаг, между которыми сновало множество сотрудников, по большинству мужчин. От соседних комнат зала отделялась двумя арками. Внутренность комнат представляла собой нагромождение разнообразных вещей: чемоданы большие и малые, корзины, корзиночки, дубовые футляры для серебра, дорожные несессеры, дамские зонтики, шляпные коробки¹⁴.

«Добыча, полученная при обысках», – поняла Ольга Петровна, и ей тотчас стала понятна та брезгливость, с которой относился к Моне Савелий Кожухов. Перебежав с вещей, её взгляд остановился на субтильном молодом человеке с очень бледным лицом в чёрном френче. Рядом с ним стоял солдат с винтовкой, и было понятно, что молодой человек арестант. Один из сотрудников ЧК, страшно картавя, выкрикнул:

– Моисей Соломонович, куда этого?

Обыденным тоном, словно речь шла о совсем не значительной мелочи, Урицкий бросил:

– Расстрелять, как любого саботажника.

Ольга Петровна увидела, что мучнистое лицо обречённого стало красным, он нервно дёрнул шеей:

– За что?

– Расстрелять, – отчеканил Урицкий, и впервые за всё время работы на советскую власть Ольге Петровне стало по-настоящему страшно.

Несколькими часами спустя Урицкого убили, а на заводе Михельсона в Москве было совершено покушение на Ленина. Председателем ПетроЧК назначили Глеба Бокия, которого Ольга Петровна знала шапочно.

А ещё через день она сидела в зале Таврического дворца рядом с женой Бокия Софьей Доллер и слушала, как Зиновьев объявляет красный террор.

– На каждую смерть наших братьев мы ответим тысячами смертей! – с покрасневшим лицом кричал Зиновьев. – Товарищ Ленин ещё месяц назад, после убийства товарища Володарского¹⁵, призвал нас поддерживать энергию и массовидность террора против кулаков, попов и белогвардейцев! Революция в опасности, и мы обязаны защитить её от внешнего и, главное – внутреннего врага! – Зиновьев плашмя стукнул по трибуне ладонью. – Мы никогда не забудем погибших товарищей и не простим, что накануне в Москве предательница Каплан стреляла в самого товарища Ленина!

Мечась от страха, его глаза перебежали с одного лица на другое, пока не остановились на лозунге «Вся власть Советам». Глотнув воды из стакана, Зиновьев поднял руку с зажатой бумагой. – Тут у меня доклад о работе ПетроЧК, о проделанной работе, товарищи. В нём говорится, что только за предыдущую неделю было расстреляно пятьсот двадцать контрреволюционеров и арестовано сто двадцать заложников. Этого мало, товарищи! Карающий меч революции должен рубить врага день и ночь. В качестве срочной меры предлагаю проголосовать

¹⁴ При описании ЧК использованы воспоминания Анатолия Мордвинова, флигель-адъютанта императора Николая Второго.

¹⁵ *Володарский В. (Моисей Маркович Голдштейн)*, большевик, в 1918 году петроградский комиссар пропаганды и агитации.

за резолюцию Совнаркома¹⁶ о создании концентрационных лагерей и расстрелах чуждых элементов. И главное... – Зиновьев сделал долгую паузу, во время которой торжественно выпрямился. – Предлагаю переименовать Дворцовую площадь в Площадь Урицкого!¹⁷

В ответ раздались бурные аплодисменты.

Доллер промокнула глаза платочком и невесомо прикоснулась к запястью Ольги Петровны:

– Оля, вам, наверно, известно, что мои родители революционеры, поэтому мы всегда были готовы к страданиям за народ, но погибнуть сейчас, когда революция победила... Бедный Моня Урицкий... – Она протяжно вздохнула. – Я слышала, что ваш муж тоже пал жертвой революции?

Чтобы не углубляться в тему, Ольга Петровна сдержанно кивнула:

– Да.

– Мой Бокий не знает жалости и на посту председателя ЧК сумеет навести порядок. Я, конечно, не одобряю расстрелы заложников, но революция должна защищаться, не правда ли? Им это зачтётся, – шёпотом провозгласила Доллер, и Ольга Петровна вскользь подумала, что да, зачтётся. Только неизвестно, кому?

* * *

Глеб Бокий будет расстрелян в 1937 году, а Софью Александровну Доллер казнят годом позже, когда по улицам Ленинграда побегут бурливые весенние ручьи, по которым мальчишки станут пускать щепочки-лодки, а свежий бриз с Невы будет напевать вальсы в печных трубах.

* * *

Фаина закрыла дверь на три замка и вставила в затвор шарик цепочки. Мартемьян Григорьевич требовал, чтобы после каждого посетителя дверь запиралась тщательным образом. Интересно, если ли сейчас в Петрограде хоть одна незапертая дверь? Ужас, захвативший город вместе с новой властью, крепко держал обывателей за горло. По вечерам, после наступления комендантского часа, люди сидели в темноте, не смея зажечь свет, потому что к тем отчаянным, кто выдавал своё присутствие, немедленно приходили бандиты и грабили, грабили, грабили. Тёмные дома, тёмный город, тёмные времена.

После ухода последнего гостя в доме остался тяжёлый дух чего-то гнилого или кислого. Фаина открыла форточку. Уходя, противный мужик в офицерской шинели без погон ущипнул её за щёку и пробурчал:

– Милашка. Люблю молоденьких, а то вокруг меня одни старухи, хоть караул кричи.

В полутьме коридора его глаза стеклянно блеснули. Он сунул руку в карман, который топырился от свёртка, и Фаина поняла, что этот делец тоже, как и другие, принёс хозяину на обмен какую-то вещь и получил свою долю.

Уже после нескольких дней работы Фаины на Мартемьяна Григорьевича ей стало ясно, что он занимается каким-то недозволенным промыслом или скупкой краденого. Фаина приняла это с полнейшим равнодушием, тем паче, что выбирать не приходилось, и чтобы выжить, надо было цепляться за любое место. По ночам, когда звуки улицы затихали, она часами простаивала на коленях, вглядываясь в тусклый отблеск нимбов на иконах, и просила Господа только об одном – чтобы она и её девочки снова были вместе. Всё равно где, всё равно, в богат-

¹⁶ Постановление от Совета народных депутатов РСФСР «О Красном терроре» от 5 сентября 1918 года.

¹⁷ С 1918 по 1944 год Дворцовая площадь Петрограда-Ленинграда носила название «площадь Урицкого».

стве ли, в бедности – главное вместе, одной семьёй. Молитва была единственным мостиком, по которому она, хоть и мысленно, могла дотянуться до любимых, всей душой веря, что Матерь Божия умилюстит Своего Сына сберечь их, сохранить и вернуть в любящие руки целыми и невредимыми.

Спустя пару месяцев Мартемьян Григорьевич стал доверять Фаине несложные поручения: что-то передать или взять, как правило, мелкие свёртки или записки. Попадая на улицу, она старалась пройти мимо дома Ольги Петровны в надежде увидеть Капитолину с нянькой, а затем в тысячный раз обходила дворы, повторяя как заклинание:

– Вы не видели тут девочку, совсем маленькую, грудную? Она пропала в апреле.

От ответов Фаина впадала в отчаяние, приходя в себя только в церкви, наполненной такими же, как она, несчастными и обездоленными.

* * *

Иногда настоятель церкви отец Пётр думал, что храм сейчас наполнен бедой до самого купола. Люди и прежде несли сюда свои горести, но они перемежались с радостями, а благодарственные молебны звучали под церковными сводами куда чаще, чем отпевания. Сейчас же что ни день – покойник, а то и два-три. Тиф и голод собирали свои страшные жатвы, и не было им конца. От слёз обездоленных к вечеру отец Пётр порой чувствовал себя совершенно больным. Ко всем напастям добавлялась проблема отсутствия средств на содержание церкви. Дошло до того, что когда одна состоятельная прихожанка «из бывших» пожертвовала приходу бриллиантовое кольцо, отцу Петру пришлось прибегнуть к помощи спекулянта и глупо попасть под облаву. Удивительно, но следователь, к которому патруль привёл смущённого батюшку, оказался порядочным человеком. Происшествие закончилась всего лишь трёхмесячным арестом в Дерябинской тюрьме на Васильевском острове. А ведь могли бы и расстрелять без суда и следствия.

Сколько нынче на Руси безымянных могил с невинно убиенными! Как, оказывается, страшно, когда понятие «справедливость» заменяют коротким рычащим словом «террор», а над милосердием гнусно смеются и плюют в лицо доброте. Но несмотря ни на что, чудеса случаются, добро по-прежнему торжествует над злом и вершит правосудие.

Перекрестившись, отец Пётр посмотрел на странную пару у свечного ящика. Она – высокая статная девушка в бархатной накидке, он – косматый старик с нищенской сумой, одним костылём и орденом Святого Георгия на груди. Время от времени старик с девушкой обменивались понимающими взглядами. Потом девушка взяла старика за руку, и они медленно пошли ставить свечи к распятию.

Отец Пётр прекрасно знал их обоих. Когда он юным диаконом переступил порог церкви, старик уже сидел на паперти и казался таким же ветхим, как и нынче, словно бы время навсегда застыло в его сединах. Настоящего имени старика никто не знал – все кликали его Дед. Где старик жил, тоже никто не знал. Однажды отец Пётр предложил выхлопотать для него место в инвалидном доме, на что старик беспечно отмахнулся:

– Никуда я, батюшка, не пойду. Мне и здесь хорошо, на вольном воздухе. Меня Господь вдоволь питает, да мне много и не надобно. Сыт, одет-обут, и ладно.

Старик пошевелил разбитыми чоботами, из которых торчали голые пальцы, и хитро усмехнулся в усы.

– Ты лучше не обо мне думай, а вот о них, – он кивнул на кучку прихожан, что выходили из храма, – потому как скоро заплачут они кровавыми слезами. Чем их утетишь?

Тогда отец Пётр не оценил его слов, вспомнив о них лишь спустя много времени.

Спутницу старика звали Саша Лубенцова, дочь надворного советника. Отец Пётр крестил её двадцать лет назад. Лубенцовы баловали единственную дочь до умопомрачения, и она

росла упрямой, дерзкой и своенравной. Особенно Саша невзлюбила нищих. Бывало, спускается с мамой после службы, увидит нищего и носик морщит:

– Фи, мама, какие они все противные, грязные, и воняет от них всякой гадостью.

А однажды отец Пётр заметил, как Саша положила в протянутую руку нищего вместо подаяния камень. А тот не расстроился, сунул камешек в карман и хитро усмехнулся:

– В хозяйстве всё сгодится, спасибо тебе, милая барышня.

Потом Лубенцовы сняли квартиру в другой части города, и вновь отец Пётр увидел Сашу уже совсем недавно. Обтрёпанная, несчастная, она стояла на паперти и робко протягивала к прохожим сложенную ковшиком ладонь.

– Да никак это та барышня, что подала мне камешек? – сразу признал её старик. Загребая костылём, он подобрался к ней поближе и заглянул в лицо. – Точно! – Поковырявшись в суме, он раскрыл ладонь. – А ведь я твой камешек храню. Век тебе за него благодарен. Как задумаю что-то плохое или слово худое хочу бросить, так сразу про камешек вспоминаю и говорю: «Спасибо Тебе, Господи, за вразумление».

Отец Пётр увидел, как у Саши задрожало лицо. Неверными движениями она опустила на колени и прижалась лбом к костылю старика:

– Простите меня, если сможете.

Он положил её руки на плечи, словно хотел обнять, и в глазах его блеснули слёзы:

– Бог простит, и я прощаю.

С тех пор эти двое постоянно вместе. Когда старик заболел, Саша забрала его к себе и неделями не отходила от кровати, пока он не поднялся на ноги. А когда на Сашу напали грабители, старик стойко оборонял её костылём, покуда не подоспел патруль.

От приятных мыслей отца Петра отвлекла прихожанка с просьбой пойти к больному, и он заспешил за Дароносицей, потому что скоро должна начаться вечерняя служба и народ снова придёт в храм за утешением и надеждой.

* * *

Мартемьян Григорьевич был доволен, потому что заветная шкатулка из села Лысково наполнялась стремительно. Правду бают: кому война, а кому мать родна. Если в начале семнадцатого года на дне поблёскивала одинокая заколка с бриллиантом, то сейчас на синем бархате мерцала целая россыпь прозрачных камней чистой воды. Среди уникальных сокровищ была даже подвеска самой императрицы в виде лебедя из крупного жемчуга работы французских мастеров.

В припадке восторга Мартемьян Григорьевич поцеловал ключик, накрепко запиравший его тайну. Лысковские шкатулки иногда называли персидскими, потому что их любили покупать персидские шахи за отменное качество и множество секретов. Замочек подобной шкатулки имел до двадцати язычков и при открывании мелодично пел переливчатым треньканьем. Папаша, от которого досталось сие изделие, рассказывал, что проверяли работу мастеров не абы как, а запирали внутрь пачку денег и бросали шкатулку в огонь. Деньги должны были остаться целёхонькими, а ежели сторали, то артель возмещала заказчику убыток из собственных средств.

Покойный папаша, Царствие ему Небесное, и надоумил заниматься посредничеством: одних познакомить, другому удружить, третьему выправить бумагу, четвёртому подсказать, где окопался нужный человек. Ну, а уж когда в России началась заваруха, тут умному человеку полное раздолье – только успевай доставать шкатулочку, тщательно спрятанную в нише под лепниной потолка, – никто не догадается!

Придвинув резную лесенку из трёх ступенек, Мартемьян Григорьевич поднялся на верхнюю ступень к потаённому сейфу, мельком зацепив взглядом, как трое юных революционеров

прикрепляли на стену брандмауэра лозунг: «Смерть буржуйам! Да здравствует красный террор!» Дожили! Прежде, в царские времена, террористов сажали в тюрьмы, и поделом, а нынче господа террористы правят государством.

Мартемьян Григорьевич поставил шкатулку в схрон и стряхнул с пальцев следы побелки.

«По сравнению с террористами я чистый ангел», – пробормотал он себе под нос, но тут вспомнил, что обещал до наступления комендантского часа организовать одной дамочке свидание с заключённым, за что жене охранника было посуле по полфунта вологодского масла. Дамочка расплатилась золотой брошью, а полфунта масла обошлось в десять коробков спичек. Итого: половина золотой броши – чистая прибыль.

Мартемьян Григорьевич приоткрыл дверь и, наслаждаясь звуками собственного голоса, крикнул:

– Фаина, приготовь мне круг масла. Да запакуй получше, чтоб не развернулось в дороге. И ещё выстави в прихожую галоши, осень нынче выдалась слякотная.

* * *

Фаина настолько привыкла к опустевшим городским улицам, что кучка женщин около пуговичной фабрики братьев Бух её удивила, тем паче, что фабрика не работала с начала переворота. В разбитых окнах гулял ветер. Да и сам Васильевский остров выглядел потускневшим и хмурым, словно после разрушительного наводнения, что приходят в Петроград по осени и оставляют после себя заколоченные витрины и вывороченные мостовые.

Привычным жестом она проверила за пазухой свёрток, предназначенный для передачи очередному клиенту в условленном месте. Мартемьян Григорьевич строго-настрого наказал пулей лететь на встречу и не разевать рот по сторонам. Но господин в шляпе и пенсне, как описал адресата хозяин, ещё не появился. Фаина остановилась и стала слушать агитаторшу, что стояла на перевёрнутой бочке, держа на плече древко с красным флагом.

– Быт, дорогие товарищи женщины! Быт, быт и быт – вот то, что не даёт работнице и крестьянке вздохнуть и расправить плечи. Только когда мы разорвём оковы быта, женщина станет равноправным членом нового социалистического общества.

Сорвав с плеча древко, агитаторша поболтала знаменем в воздухе и приставила к ноге, как солдат ружьё. Толпа сдержанно зашумела в ответ. Агитаторша набрала в грудь воздуха и выпалила:

– Революция, товарищи, дала свободу всем, в том числе и вам! Свободная женщина не станет надрываться на кухне или за стиркой белья, она пойдёт творить и любить, товарищи!

– Это в проститутки, что ли? – выкрикнула с места толстуха в сером платке.

Прокатившийся по толпе смешок затих под суровым взглядом агитаторши. Та подбоченилась, так что стал виден револьвер, спрятанный под кацавейкой, и нацелила на толстуху указательный палец:

– Вот вам, товарищи и гражданки, образчик серости и косности. Раскрепощённая женщина – не проститутка, а друг, товарищ и брат. Её мысли занимают не щи да каша, а государственные проблемы. Партия призывает вас учиться, да не просто учить грамоту, а учиться управлять государством.

– А портки стирать кто будет? – не унималась толстуха.

– Портки? Чьи? – растерялась агитаторша.

– А ребятишек куда? Ежели их не кормить да не обстирывать, так беспризорство получится! – выкрикнула высокая девушка с румяными щеками.

– Ты, Ленка, сперва замуж выйди, а потом о ребятишках думай! – озорно взлетел вверх короткий смешок.

С глумим стуком агитаторша притопнула каблуком о днище бочки.

– Брак, товарищи, это пережиток прошлого. В свободной России нет и не будет места позорному явлению подчинения мужу. Свободная женщина сама станет главой семьи!

Толстуха зашевелилась и ехидно подначила:

– Так ты же говоришь – семьи не будет.

– А мужиков куда девать? – пробасила чернявая тётка в извозчицком армяке. Обернувшись, она обратилась к кому-то из слушавших. – Слышь, Антиповна, может, ты мово мужика себе заберёшь? Вот, гражданка говорит, что мне он теперь без надобности!

– Мне твой Гришка задаром не нужен! Я себе матросика присматриваю! – Весёлая молодая лихо подбоченилась. Кругом засмеялись.

– Работницы, сейчас не время для шуток! – надсадно проорала агитаторша. Чтобы привлечь к себе внимание, она снова подняла флаг, кроваво затрепетавший на ветру. – Мы должны скинуть ярмо прошлого и встать вровень с мужчинами!

Водрузив знамя на плечо, она исподлобья оглядела развеселившихся женщин и остановила взгляд на Фаине:

– Вот ты, девушка, разве ты не хочешь стать свободной?

Под перекрёстным огнём многих глаз Фаина сконфузилась:

– Не знаю.

– Типичный образчик устарелого мышления! – воскликнула агитаторша, словно именно такого ответа и ожидала. – Но ничего, мы, большевики, научим тебя быть свободной, а не захочешь добровольно – заставим! Советская власть полностью уравнила мужчину и женщину в труде, образовании и семье. Ура, товарищи!

– Ура, – нестройно подхватило несколько голосов.

Фаина стала выбираться из толпы, поскольку заметила на перекрёстке нужного господина в пенсне и шляпе. Остаётся вручить ему свёрток, и можно бежать по своим делам.

Прибавив шаг, Фаина сунула руку за пакетом, но с ужасом обнаружила, что тот исчез.

* * *

– То есть как украли? Ты понимаешь, что ты творишь? – Одним движением господин в шляпе схватил Фаину за отвороты жакета и крепко встряхнул. – Признавайся, куда девала?

Он тряс Фаину, и его голова тряслась тоже. Упавшее с носа пенсне на шнурке болталось по груди из стороны в сторону, задевая за пуговицы на суконном пальто.

– Правда, украли. Прямо сейчас. Богом клянусь. Я там стояла, – дрожащей рукой Фаина показала на толпу женщин, которые начали расходиться. Позади всех с флагом наперевес шествовала агитаторша.

Лицо господина из багрового стало бледным, а щёки обвисли, сделав его старым и жалким.

– Убила. Без ножа зарезала.

– Я отслужу, только скажите, что надо сделать? – горестно залепетала Фаина. Ей было жалко этого человека, стоявшего с несчастным видом, и жалко себя, потому что она тоже была несчастна и испугана.

Она осознавала, что говорит ерунду, и в свёртке было нечто настолько важное и ценное, что ей жизни не хватит расплатиться. Но вдруг господин сейчас кивнёт головой и скажет, что ему необходимо выстирать бельё, или целый год убирать квартиру, или ещё что-нибудь, что она умеет и может.

– Ты... Ты... – Он задыхался.

«Пусть убьёт», – с внезапной радостью подумала Фаина и подалась вперёд, но хватка внезапно ослабла, словно у господина полностью иссякли силы.

Опустив плечи, он закрыл лицо руками и глухо сказал:

– Ты не понимаешь. В свёртке была валюта, потому что финский проводник согласился довести до Гельсингфорса только за английские фунты. Теперь мне придётся навсегда остаться в этом проклятом государстве, которое натворило столько, что он него отвернулся Сам Господь Бог.

– Нет, что вы! – в ужасе закричала Фаина. – Нельзя так говорить! Ведь Он нас видит и слышит!

Господин посмотрел на неё диким взглядом и с нескрываемым отчаянием спросил:

– Ты, правда, в это веришь?

– Да, – она мелко-мелко закивала головой и перекрестилась, – верю, а как же иначе? Ведь без веры нельзя жить.

Он прислонился к стене и посмотрел на небо в свинцовых тучах:

– А от моей веры ничего не осталось. Знаешь, ещё год назад я верил в Бога и в революцию. Сейчас это звучит насмешкой, но многим моим друзьям казалось, что очистительная гроза над Россией откроет широкий путь в прогресс и демократию... – Господин помолчал. – А она разверзла бездну. А как я радовался отречению императора! Купил жене цветы, открыл шампанское, припрятанное к именинам. Всё наши знакомцы телефоновали друг другу, поздравляли, ликовали. Идиоты! Форменные идиоты! – Господин махнул рукой. – Э, да что ты понимаешь, кукла безмозглая. Ты небось ещё и горя настоящего не видала.

Его глаза слёзно блеснули за прозрачными стёклами пенсне.

– Я ребёнка потеряла. Дочку Настеньку, – тихо сказала Фаина.

– Как это?

– Я упала на улице без памяти, очнулась в чужой комнате, а ребёнок пропал.

Господин изумлённо заморгал:

– Может, убежала?

– Она ещё грудная, даже полгода не исполнилось. Третий месяц её ищу. Хожу по дворам, спрашиваю у людей. – Она слегка развела руками. – Никто не видел ни живую, ни мёртвую.

Чтобы не зареветь, Фаина стала дышать глубоко и медленно, потому что из памяти выплыли тёплые Настюшины кулачки и розовые пяточки, что так весело стучали по зелёному стёганому одеялу.

– Беда. Кругом беда, – уже без злости сказал господин. Задрал голову, он посмотрел вверх на серое небо. – Коли так вышло, знать, судьба моя остаться в России. Ты хоть помолись за меня, что ли, раз в Боге не разуверилась.

– Обязательно помолюсь, каждый день молиться буду!

На её крик обернулись два красногвардейца, что шли мимо фабрики. Под их беглым взглядом господин испуганно скукожился:

– Тише ты, непутёвая, а то подумают, что я тебя граблю. Семён меня зовут, поняла? Семён Иванович.

– Поняла. Век не забуду вашей доброты. Он махнул рукой:

– Ну, всё, поди. – И уже уходя, с безнадежной скорбью добавил: – Растяпа.

* * *

Семён Иванович брёл вдоль Невы с осознанием того, что несколько минут назад его жизнь закончилась от нелепой случайности. Валюта украдена, а значит, неразговорчивый финн-проводник угрюмо покачает головой и с жутким акцентом скажет, что раз нет денег, то нет и границы. В другой раз. Интересно, в какой другой, если ради проклятых фунтов стерлингов истрачены решительно все сбережения, включая обручальные кольца? На Николаевском мосту он остановился и стал смотреть, как несколько солдат перегружают на баржу пулемёты. Заметив его взгляд, один из солдат широко ухмыльнулся и сплюнул в воду.

«Боже мой! Неужели это и есть та свобода, о которой мечтали думающие люди, когда призывали народ к революции? – подумал Семён Иванович. – Ради этой свободы позволили разграбить своё отечество, уничтожить царя с цесаревичем и великих княжон? – Он вспомнил убитого в Лавре отца Петра Скипетрова и мысленно простонал: – Господи, простишь ли Ты нас когда-нибудь? Железная дорога агонизирует, в коматозном состоянии почта. Заводы стоят, жена домывает последний кусок мыла. Дети за пряник почитают засохшую корочку хлеба».

Его размышления прервал маленький оборвыш в рваном зипунишке:

– Дяденька, купи спички. Три штуки – один рубль.

На прозрачную детскую руку с зажатыми в кулаке спичками смотреть было невыносимо. Пошарив в кармане, Семён Иванович протянул последнюю монету, что завалилась за подкладку.

– Вот возьми, а спички оставь себе.

Подняв воротник, он бесцельно пошёл дальше, сам не зная, куда и зачем. Нынешняя осень была самой мерзкой, самой слякотной, самой безнадежной осенью на его памяти.

Семён Иванович никогда не узнает, что лодка, на которой их семья намеревалась перебраться в Финляндию, пойдёт ко дну залива и все беженцы погибнут. Но он доживёт до той поры, когда старший сын станет выдающимся советским учёным-биологом и его фамилией назовут новый сорт зерна.

* * *

По дороге домой Фаина внезапно поняла, что ей безразлично, заругает ли её Мартемьян Григорьевич, поколотит или вообще выставит на улицу. Будь что будет. Главное, не оттягивать объяснение, а с порога сказать, что пакет для передачи господину в шляпе у неё украли.

«Ничего, проживу, я сильная, выносливая и от работы не сломаюсь, – сказала она себе. – Домкомбед в беде не оставит». Но когда вошла во двор, на всякий случай перекрестилась:

– Господи, помоги.

Рука не дрожала, только стыд жёг щёки, да и то не за Мартемьянов разор, а за господина, что остался без денег. Он, бедный, так убивался, так убивался. Хотел сбежать, а теперь придётся в Петрограде горе хлебать полной ложкой. Хотя кто его знает, где оно, это горе, подстерегает?

В подъезде дверь была нараспашку, и по дружному топоту нескольких сапог Фаина сразу поняла, что идут патрули. Обыватели сейчас шмыгали, как мышки, на цыпочках, бочком-бочком, боязливо.

Мелькнула мысль: к кому бы это? Пережидая, она прислонилась спиной к стене и вздрогнула, когда кулаки застучали в знакомую дверь на втором этаже:

– Хозяева, открывайте, не то замок вышибем!

Машинально Фаина обтёрла концом платка вспотевший лоб.

– Хозяева!

С нижнего этажа она услышала звяканье замка и скрипучий голос Мартемьяна Григорьевича:

– Вы к кому?

– Если вы гражданин Канский, то к вам.

Оторвавшись от стены, Фаина стала медленно подниматься по ступеням навстречу двум красногвардейцам, что топтались на лестничной площадке. Третий, по виду начальник, в добротной шинели и хромовых сапогах, одной ногой стоял в дверях и держал руку на кобуре из толстой кожи.

При виде Фаины он обернулся и прострелил её взглядом:

– Проходите мимо, гражданка, не останавливайтесь.

Фаина хотела было сказать, что я, мол, сюда, но промолчала, тем паче, что Мартемьян Григорьевич усиленно заморгал глазами, давая знать, чтоб она не признавалась в знакомстве.

– Что рот раззявила? Вали отсель. Али не видала, как буржуев арестовывают? – с пришепётыванием сказал один из солдат, и Фаина прошла выше.

* * *

По всем признакам закона подлости Мартемьян Григорьевич чувал, что вскорости ему выпадут неприятности. Не зря под утро приснился шмат несвежего мяса с полфунта весом, что пытался всучить торговец-выжига на толкучем рынке. Бывало, матушка покойница такие сны сильно не жаловала. Да и сам он хоть и говорил себе, что толкование снов – бабские глупости, но старинный сонник с книжной полки не выбрасывал. Мало того, переплёл его в кожу с тиснением, вроде бы как матушкина память. Конечно, вполне вероятно, что мясо пригрезилось от несварения желудка, но так или иначе, настроение у Мартемьяна Григорьевича установилось тревожное, нервическое, а тут ещё бесцеремонный стук в дверь.

– Вы Канский?

Прежние патрули, что заглядывали с обысками, фамилию не называли – шли наугад. Сердце тревожно ёкнуло.

Нахальный офицер, или как там, у революционеров, именуется армейские начальники, заглянул в прихожую, тускло отразившись в зеркальной глади стенного шкафа.

– Канский, Мартемьян Григорьевич, собственной персоной, – подтвердил Мартемьян Григорьевич, ликуя в душе, что успел надёжно припрятать заветную шкатулочку в тайник на потолке. Перед тем как перейти в наступление, он шумно выдохнул. – Вы не смеете сюда врываться, потому что я имею охранную грамоту от товарища Ленина, подписанную им собственноручно.

– Предъявите, – не повёл бровью старший.

Пока Мартемьян Григорьевич доставал бумаги, солдаты просочились в прихожую и встали в караул. Причем один из них, самый молодой, лузгал семечки и плевал шелуху прямо на пол!

С их грубых ботинок с обмотками моментально натекли на паркет грязные лужи. Стараясь не замочить атласные турецкие бабуши с загнутыми носами, Мартемьян Григорьевич просеменил к буфету и достал из кожаного бювара листок с печатями:

– Извольте посмотреть. Вот печати Совнаркома, а вот автограф господина Ульянова-Ленина.

Двумя пальцами командир взял грамоту из рук Мартемьяна Григорьевича и молниеносным движением разорвал её надвое.

Мартемьян Григорьевич едва не подпрыгнул от возмущения:

– Что вы делаете? Я буду жаловаться товарищу Зиновьеву! Я дойду до самого верха! Я добьюсь вашего увольнения!

Видно было, что его слова били мимо цели: на бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул.

Ужас, проскользнувший в глубину живота, заставил Мартемьяна Григорьевича отшатнуться к стене и вцепиться руками в спинку стула, чтоб не упасть. Дальнейшее, включая обыск, долетало до сознания в виде спутанных фрагментов плохой пьесы. Сначала он пытался как-то вступать, оправдываться, спрашивать, а потом просто тупо сидел на стуле и смотрел, как солдаты скидывают в саквояжи ценные безделушки и ссыпают в кучу серебряные столовые приборы работы мастера Хлебникова.

– Молодая советская власть нуждается в средствах, – сказал командир, опуская в карман китайского нефритового дракона с рубиновыми глазками.

С каждым шагом обыск всё ближе и ближе придвигался к тайнику с Лысковской шкатулкой. Когда один из солдат, задрав голову, внимательно осмотрел лепнину потолка, подбираясь взглядом к секретной заглушке, Мартемьян Григорьевич почувствовал сильное головокружение и тошноту. Если красногвардеец сейчас поднимет руку и отвернёт потайной винт, то...

Украдкой Мартемьян Григорьевич потрогал в кармане ключ от шкатулки и подумал, что было опрометчиво держать его при себе, но теперь уж поздно что-то предпринимать. Авось не станут чинить личный досмотр.

Чтобы не наблюдать за разорением своего гнезда, Мартемьян Григорьевич спрятал лицо в ладони и попытался отрешиться от звуков шагов и падающих вещей. Но его мозг скрупулёзно фиксировал каждое движение узурпаторов: вот заскрипел ящик комода, где хранилось нижнее бельё, вот стеклянно звякнули бокалы в горке, вот зашелестели страницы книг...

Скорее всего, эти ироды набьют свои карманы и уберутся восвояси. Ах, если бы так!

Старший, отвратительно скрипнув сапогами, подошёл к стулу и с силой встряхнул Мартемьяна Григорьевича за плечо.

– Собирайтесь, гражданин Канский, вы арестованы.

Перегнувшись через перила верхнего этажа, Фаина увидела, как Мартемьяна Григорьевича под конвоем вывели на лестницу. Руки он держал в карманах и всё время жалко озирался по сторонам, словно прощаясь с родными стенами. Прижав кулачок к губам, Фаина переждала, когда затихнут шаги, и только тогда крадучись спустилась вниз и вставила ключ в замочную скважину.

В квартире царило полное разорение, будто бы внутри пронёсся маленький смерч, оставивший после себя перевёрнутую мебель, осколки стекла на подоконнике и затоптанную плюшевую скатерть, усыпанную шелухой жареных семечек. Подняв с пола бронзовую чернильницу – слава Богу, пустую, Фаина присела на край дивана и честно призналась себе, что в глубине души рада отложившемуся тяжёлому разговору о пропаже пакета.

«Вернётся, тогда и скажу», – подвела она итог своим переживаниям. А сейчас надо браться за веник и тряпку, чтоб к приходу хозяина навести хоть какой-то порядок.

Но Мартемьян Григорьевич не вернулся ни через неделю, ни через две, ни через три, а когда на праздник Покрова за окном закружили белые мухи, Фаина поняла, что Мартемьян навсегда сгинул в застенках страшного дома Чрезвычайки на Гороховой улице, который слыл у горожан проклятым местом.

* * *

С наступлением холодов Фаина перебралась жить в кухню. Тут стояла настоящая чугунная плита на гнутых ножках, прожорливая и пыхтящая. С дровами в городе было худо, и день, когда удавалось добыть полено или парочку дровяшек, превращался в маленький праздник тепла и горячего кипятка. Ещё на плите можно поджарить ломтики хлеба, добытые после многочасового стояния в очереди, или высушить маленькую постирушку, кое-как заполосканную в ледяной воде.

Кинув взгляд на единственное полено, удачно выловленное из Фонтанки, Фаина решила протопить кухню на ночь, а сейчас сбегать к дому Ольги Петровны проведать Капитолину. В прошлый раз, отстояв во дворе чуть ли не полдня, она разглядела девочку с нянькой через окно. Сквозь мелькание теней за тусклым стеклом виднелись маленькие ручонки, что барабанили по подоконнику, и круглая головёнка с отросшей чёлочкой. Капитолина воспринималась как частичка Настеньки, о которой, не переставая, плакало сердце.

Закрыв глаза, Фаина попыталась представить день, когда она отыщет Настюшу. Отсюда, из сырой слякоти и холода, тот благословенный день казался ярким и сверкающим, как нечто волшебное-несбыточное.

На улице мело снежной порошей, а у двери пустующей квартиры на первом этаже стоял невысокий, широкоплечий парень в фуфайке, перетянутой армейским ремнём. Под мышкой парень держал молоток и кусок фанеры, на котором косо была выведена надпись «Домком».

Увидев Фаину, он поднял вверх руку:

– Эй, девушка, не проходи мимо, будь добра, помоги. Мне одному прибывать несподручно! – Мотнув головой, он сдвинул на затылок картуз, а потом приложил к двери вывеску: – Подержи чуток за угол, пока я молотком орудую.

Он достал из кармана несколько гвоздей и сунул их в рот, как обычно делали плотники.

– Здесь живёшь?

Гвозди мешали говорить, поэтому получалось смешно и гнусаво.

Фаина фыркнула:

– Здесь. В третьей квартире.

– Одна или с семьёй?

Он стукнул пару гвоздей.

– Одна. Служила в прислугах, а потом хозяйина в ЧК забрали, – она понизила голос, – ну он и не вернулся.

– Ты что, жалеешь его, что ли?

Парень прибил вывеску, откачнулся на шаг и полюбовался на свою работу.

Фаина пожалала плечами:

– А что? И жалею. Он мне ничего плохого не сделал. Кормил, поил, не обзывал, зря не придирался.

– А то, что твой хозяин эксплуататор, тебя, значит, не волнует? – спросил парень. Он стукнул молотком по ладони и сжал кулак. – А вообще-то правильно! Людей надо жалеть, особенно тех, кого можно перевоспитать.

Он сунул молоток в карман и протянул Фаине ладонь лодочкой:

– Как говорится, спасибо за помощь, товарищ...

– Фаина, – подсказала Фаина.

– Короче, давай знакомиться, товарищ Фаина. Я Фёдор Тетерин, рабочий с ткацкой мануфактуры, прислан к вам организовывать Домовой комитет жилищного товарищества и ликвидировать эксплуататорскую отрывку прошлого. – Он глухо кашлянул в кулак и покраснел: – А, кстати, ты грамотная?

– Да.

Он обрадовался:

– Вот и отличненько. Даю тебе первое революционное поручение – оповестить жильцов о наличии у них органа советской власти. – Широким жестом Тетерин распахнул дверь в помещение, откуда пахло запахом тлена и сырости. – Если какие-то вопросы, то милости просим, – неуклюже потоптавшись на пороге, он оглянулся, – да и так просто заходи, чайку попить. Я, знаешь, не кусаюсь.

Сквозь окно, покрытое слоем пыли, Фёдор Тетерин проследил, как Фаина вышла со двора, и только тогда окинул взглядом вверенное ему хозяйство. В одной комнате будет контора, другую можно отдать революционной молодёжи, а третью оборудовать под зал заседаний, чтобы доводить до масс последние решения партии большевиков.

Выкинув вверх обе руки, он всласть, с хрустом потянулся, жалея, что по загромождённой комнате не получится пройти колесом. Сидящая внутри радость раздирала его до печёнок: шутка ли, ему, босоногому пацану из предместья, доверено создавать власть на местах, и какую власть – не царскую, не барскую, а самую что ни на есть народную!

А Фаина эта, кстати, ничего – симпатичная! И глаза у неё особенные, вроде бы как усталые, но очень тёплые – любую льдинку растопят. Надо будет крепко взять её в оборот и привлечь к общественной работе.

Тетерин всё-таки сумел выбрать пяточок на грязном полу, чтоб встать на руки и пройти пару метров.

«В последний раз, потому что не к лицу домовому начальству сальто-мортале раскручивать», – вздохнул он про себя с тайным восторгом от собственной значимости.

* * *

– Здравствуйте.

– И тебе привет, коли не шутишь. – У женщины, что стояла посреди двора с пустой кошёлкой, было одутловатое лицо и неприятный острый взгляд голодной зверюшки. – Ищешь кого или ради болтовни разговор заводишь? Так мне с тобой балакать недосуг. Говори, чего надо, и иди восвояси.

Фаина вздохнула:

– Не слыхали, никто здесь по весне младенца в зелёном одеяльце не находил? Девочку, дочку мою. Беленькая такая и щёчки розовые.

– Нашла приметку – щёчки розовые! Да они у грудников у всех розовые, ежели дитя не чаморошное. В зелёном, говоришь?

Фаине показалось, что в глазах женщины промелькнуло понимание, и она заторопилась:

– Да-да! В зелёном! Оно ещё посредине было красной ниткой простёгано.

Эта женщина точно что-то знала, слышала или видела. Фаина почувствовала, как от неистово заколотившегося сердца по телу растёкся огненный жар.

– Да как же ты ухитрилась ребёнка потерять? – спросила женщина.

– Сама не знаю. Помню патрулей, поленицу дров и то, что я дочку уронить боялась. А потом словно в омут попала – очнулась, а ребёнка нет.

– Не повезло тебе, девка. – Опустив голову, женщина посмотрела в пустую кошёлку и покачала её из стороны в сторону. – А может статься, наоборот – подфартило. Не надо пропитание дитю искать, когда оно, дитя, денно и ночью есть просит: дай хлебушка да дай. А где, скажи на милость, я этот самый хлеб возьму? Стяну, что ли? – Она махнула рукой. – Да я бы и украла, только не у кого. У всех в кармане вошь на аркане. Кто мог, в деревню подался. Даже домком-бедовка Машка Зубарева из дома съехала, хоть паёк от новой власти получала, нечета нашему.

– Вы про девочку в зелёном одеяльце вспомните! Ну пожалуйста, – оборвала её речь Фаина, не в силах сдерживаться.

– В зелёном, говоришь?

Женщина замолчала, а потом решительно отрубил:

– Нет, не видала. Ни в зелёном, ни в синем, ни в серо-буро-малиновом. Не было никого, и точка.

* * *

По наследству от шустрой бабки Матрёны Прасковье Чуйкиной досталась не только вредность, но и отменная память. Помнила даже то, как в зыбке качалась да таранилась на тряпичную куклу из мамкиной понёвы, что была подвешена на край полога. Одна нога куклы была перевязана красной тряпицей, а другая льняной ниткой. И свой первый шажок помнила, и атласную ленточку в косе, и таратайку, на которой вместе с родителями ехала в город, и первый взгляд на душную подвальную комнату, где прожила всю жизнь.

Поэтому Прасковье не достало труда заново окунуться в ненастный вечер, когда в дверь ввалилась раскрасневшаяся Мария Зубарева со свёртком в руках. Ребятишки – Ленка с Санькой да грудничок Прошка – спали, поэтому Мария поздоровалась шёпотом:

– Прасковья, дело к тебе.

Всегда бойкая председательша Домкомбеда держалась на удивление тихо и уважительно, словно бы хотела подластиться. Чтобы лучше угадать, в чём дело, Прасковья подкрутила язычок керосинки, что горела на последних каплях и жутко коптила. От керосиновой гари свёрток в руках Марии слабо, по-кошачьи чихнул. Прасковья подняла лампу, отбросившую на Марию круг света.

– На трудработы не пойду. Ты, что ль, моих детей нянчить станешь, пока я спину ломаю? Коли надо, то буржуев собирай, а моего согласия тебе нет.

– Да я не о том. – Мария переступила с ноги на ногу и положила на стол свивальник из зелёного атласного одеяла. – Я тебе дитё принесла. Патруль в соседнем дворе подобрал. Ишь, пищит, видать, голодная. Подкорми найдёнку хоть до завтрашнего дня. Да не жмись, я по-царски отблагодарю.

Глянув на пустую кошёлку в руках, Прасковья криво усмехнулась, потому что из той Машкиной благодарности удалось сварить лишь пару-тройку затирух да закинуть в сундук мешочек сушёных снетков – ребятишкам крошить в кашу. Думается, надо было с Марии больше запросить. Никуда бы она не делась, потому как кроме её, Прасковьи, кормящих матерей в квартале не было. Разве только Ленка Слесарева, но у Ленки, все знают, молоко горькое, и детей от него пучит. Опять же, Машке не откажешь, потому как с начальством собачиться могут только совсем глупые бабы, за которыми хвост из детей не тянется. В общем, пришлось тогда найденную девчонку взять на прокорм и целую ночь не отрывать от груди. Та, видать, наголодалась и только причмокивала. Зато примерно разоралась под утро. Замолкала лишь на время, да и то, когда её называли Настей.

Прасковья так и Машке сказала: «Настя, мол, твоя девчонка, и всё тут». А когда стала ребёнка возвращать, схитрила, отдала девочку не в пуховом стёганом одеяльце, а в ватном, стареньком. Объяснила: ваше, мол, одеяло мой мальчишка по недосмотру перепачкал, так что отстирать невозможно. Незнамо почему, но очень уж приглянулся тонкий китайский атлас, отливающий зелёной волной. Поди, из барчуков девчонка-то.

Судя по виду, Мария хоть и осталась недовольна, но промолчала, не стала заводить свару, а одеяло отправилось в сундук Ленке на приданое.

Вот и приходится теперь держать язык за зубами – скажешь про девчонку, начнутся распросы об одеяле: что, да как, да где? Куда спокойнее держать язык за зубами и помалкивать.

Прасковья оправила сбившийся платок на голове и пошла в лавку, что открылась на Лиговке. Говорят, если отстоять полдня в очереди, то можно раздобыть немного гороховой муки для ребятишек. Растут, касатики, не по дням, а по часам, растуды их в качель!

* * *

Опять «не видели, не слышали», – подумала Фаина, выйдя из двора, где осталась стоять женщина с пустой кошёлкой. Но ведь была же она здесь, была! Вот то окно с гнутой решёткой отпечаталось в памяти, и покосившаяся тумба с обрывками афиш, и лозунг «Даёшь свободу рабочим и крестьянам». За последние месяцы она измерила эти дворы тысячами шагов, каждый раз мучительно вспоминая подробности страшной ночи, но в мыслях оставалась одна пустота, от которой становилось одиноко и безнадежно.

Вдоль улицы, печатая шаг, шёл строй красногвардейцев. Прогромыхла телега, запряжённая костлявой лошастью с раздутым животом. У трамвайных путей несколько мужиков грузили на платформу мешки и ящики. Наверное, с продовольствием, потому что в ногах у грузчиков вертелась тощая собачонка с поджатым хвостом, которая усиленно нюхала воздух, словно могла наестся им досыта.

– Накормила бы тебя, милая, да сама не евши, – сказала она собаке, и та искоса глянула на неё горько и понимающе.

Во двор, где жила Ольга Петровна, Фаина пришла ближе к полудню. На подходе к дому сердце тревожно замерло: удастся ли хоть глазком взглянуть на малышку Капитолину? Наверное, уже бегаёт, лепечет, большая ведь – полтора годика. Господи, помоги!

* * *

– Стой, куда бежишь, шалопутная! – Матрёна схватила Капитолину за подол платья как раз в тот момент, когда мимо проскакал верховой в солдатской шинели. Ещё чуток, и быть девочке под копытами. Матрёну прошиб холодный пот. В гневе она сузила глаза. – Ну, погоди у меня!

Сжавшись в комочек, Капитолина закрыла лицо ручонками и залопотала что-то быстрое и неразборчивое. Плакать она не смела, потому что за слёзы наказывали ещё больше.

– Смотри, Катька, как ребят надо муштровать. Была такая орушка, а теперь тише воды, ниже травы, – заметила старуха Сухотина своей одноглазой дочке.

Поджидая с работы отца семейства, они обе сидели на скамейке и провожали взглядом каждого встречного поперечного.

– Невелика выучка – такую кроху бить смертным боем. – Дочка закинула в рот несколько семечек, а затем шумно сплюнула шелуху на камни мостовой. – Я своих николи лупцевать не стану. – Разжав жменя с семечками, она выбрала несколько крупных зёрен и протянула матери. – Накось, погрызи.

– Зубов нет, – отозвалась мать, но семечки взяла, и обе женщины замолчали, глядя, как Матрёна схватила Капитолину в охапку и несколько раз сильно шлёпнула, не жалея ладоней.

Фаина так жаждала увидеть Капитолину, что сперва углядела только её – крепенькую, в сером пальтишке и голубой шапочке с помпоном. Ножки в шароварах свободно болтались в воздухе, как у куклы, потому что ребёнка изо всей силы трясла плосколицая нянька Матрёна.

На миг у Фаины оборвалось дыхание, и она со всех ног бросилась наперерез:

– Отпусти ребёнка! Не смей! Не трогай!

Двумя руками она толкнула няньку в грудь, буквально выдрав девочку из её хватки. Плосколицая рожа Матрёны дёрнулась в изумлении и застыла с перекошенным ртом.

– Тронешь Капу хоть пальцем – в клочки тебя разорву, – Фаина задыхалась от гнева, и только ребёнок в руках удерживал от того, чтоб не кинуться в драку.

Посмотрев вокруг круглыми испуганными глазами, малышка вздрогнула и вдруг всем телом прильнула к Фаиной груди, обхватив руками за шею.

– Девочка моя милая. Доченька. Ягодина.

Резко развернувшись, Фаина скользнула взглядом по двум тёткам Сухотиным, что с жадным интересом взирали на свару, и с ребёнком на руках выбежала прочь со двора.

Она давно, почти целый год не чувствовала ничего, кроме звенящей тоски, внутри которой тлел крохотный уголёк надежды и веры, но сейчас!.. Остановившись на набережной, Фаина притронулась губами к густым ресничкам Капитолины, на которых дрожали крохотные звёздочки снежинок.

– Мама? – то ли с испугом, то ли с облегчением пролепетала малышка, и Фаина легко и блаженно откликнулась на тихий зов, в котором смешались её радость и горе:

– Мама, конечно, мама, а кто же ещё?

* * *

Мыслимое ли дело? Утащить ребёнка! Да у кого? У неё, Матрёны, тёртой бабы, что у любого проходимца на ходу подмётки срежет и не поморщится! Захлестнувшая злость и обида придавили так сильно, что ноги сами собой отбили по мостовой короткую, нервную чечётку. Походя, она пнула носком чугунную тумбу у ворот, но легче не стало.

Сперва Матрёна как ополоумевшая металась по улице взад и вперёд, пока не поняла, что беглянки и след простыл. Тогда она понеслась обратно, напоследок погрозив кулаком в серое небо:

– Ну, погоди у меня! Поймаю – шею сверну!

Подумалось – прощай хлебное место с тёплой кухней и сытным продовольственным пайком, со сливочным маслом и английской тушёной говядиной в жестяных банках с пёстрыми наклейками и нерусскими буквами. Одна из банок тайком была обменена на новенькие лакированные ботинки на кожаной подошве и красные бусы, что при ярком свете вспыхивали затейливым серебряным высверком. Барышня-продавщица сказала: муранское стекло. Ишь ты, муранское! И придумают же такое! Навроде, как кошка Мурка намурлыкала этакую красоту.

Ещё придётся распрощаться с туалетным мылом, от которого за зиму руки стали мягкими, как у барыни. Цветочного мыла стало особенно жалко, и Матрёна решила, что, уходя, приберет обмылок из ванной комнаты в свой баул.

Вскинув голову, она перехватила взгляды двух баб Сухотиных, что рядком сидели на лавочке, как куры на насесте:

– Что уставились? Делать больше нечего?

– Знамо, нечего, – окающим говорком откликнулась старуха Сухотина, – какие нынче дела? Сиди да думку думай, чем мужика кормить. – Двумя пальцами она обтёрла уголки рта и ехидно сморщилась. – Ты больно-то не задавайся. Чую, тебе нынче от места откажут, раз не соблюла ребёнка. И правильно. Ольга Петровна – дама серьёзная, чикаться не будет, оглянуться не успеешь, как наладит тебя домой.

Старуха Сухотина посмотрела на дочку, и они обе чопорно выпрямились, ровно аршин проглотили. В иное время Матрёна непременно встряла бы в перепалку, тем более что бабка явно на рожон лезла. Но с минуты на минуту должна была приехать Ольга Петровна, а тут уж не до свары с соседями.

Сдерживая дрожь в руках, Матрёна заправила под платок пряди волос, выбившиеся во время бесполезной беготни. Надо бы продумать, что сказать хозяйке, чтоб не обвиноватиться за недогляд. В конце концов, за каждой умалишённой не усмотришь, а прежняя нянька точно была не в себе.

Звук автомобильного мотора на улице застал Матрёну на пороге подъезда. Втянув голову в плечи, она медленно развернулась навстречу стуку каблучков Ольги Петровны. Судя по улыбке, Ольга Петровна пребывала в хорошем настроении.

Матрёна набрала в грудь воздуха, чувствуя, как внутри живота сжался тугой клубок страха:

– Ольга Петровна, беда у нас.

Нянька старалась говорить спокойно, но голос всё равно резал ржавой пилой по железу. Лицо Ольги Петровны просело, обвиснув щеками и обдав холодом глаз:

– Что за беда?

– У меня украли Капитолину.

– Объяснись.

Краем глаза Матрёна увидела, как старуха Сухотина привстала со скамейки. Не хватало, чтоб ещё старая швабра встряла не к месту. Она заторопилась со словами, рассыпая их сухим трескучим горохом:

– А вот так! Я только-только дитя взяла на руки, чтоб покачать, а эта девка, прежняя кормилица, как подскочит из-за угла. Сама растрёпанная, зенки тарашит, чисто с цепи сорвалась. Подлетела да как схватит Капитолинушку за пальтишко. Я опомниться не успела, как их и след простыл. Бегала-бегала, орала-орала, да куда там... – Она безнадежно махнула рукой, втихаря зорко поглядывая, чтоб быть начеку. Кто его знает, что может сотвориться в голове у матери, хоть бы и такой равнодушной, как Ольга Петровна? Небось у неё и наган имеется, как у всех, кто при новой власти пригрелся.

Чтобы обозначить переживание, Матрёна несколько раз громко всхлипнула и утёрла кулаком сухие глаза. Плакать она сызмальства не умела, хотя иной раз полезно пореветь в голос.

– Вы, Ольга Петровна, патрулей за ней пошлите, вас они послушают. Пусть они воровку заарестуют. Это мыслимое ли дело – чужих детей воровать среди бела дня, да ещё при свидетелях!

Кивком головы Матрёна указала на Сухотиных, но тут же поняла, что сболтнула про них зоря, потому что старуха поставила руки в боки и подступила к Ольге Петровне:

– Врёт ваша нянька и не морщится! Мы с Катькой доподлинно видели, как дело было!

– Да, и видели, и слышали, – пискнула младшая Сухотина, сняв с губ шелуху от семечек. – Мамаша сейчас вам обскажет пролетарскую правду.

– А то! – Старуха Сухотина гордо выпрямилась, метнув в сторону Матрёны недобрый взгляд. – Била она вашу девочку. – Ольга Петровна побледнела, а Сухотина поддала жару: – Вот вам крест. – Взметнувшаяся рука старухи прочертила дугу в воздухе. – Колошматила ваша Матрёна ребёнка, ровно бы не дитё беззащитное, а вражеское отродье.

– Только голова болталась из стороны в сторону, – вклинилась младшая Сухотина.

– Точно так, Ольга Петровна, я тоже видел, как девчущку обижают, – забасил невесть откуда вынырнувший мужичок, что жил в полуподвальной комнате второго подъезда. – Хотел даже вас оповестить, но никак не мог время выбрать. – Он многозначительно кашлянул в сторону Матрёны, и та увидела, как рука Ольги Петровны непроизвольно сжалась в кулак.

* * *

Фаина опомнилась на Караванной, когда впереди разноцветными завитками выплыл из туч купол церкви Спаса на Крови. Навстречу шла женщина и вела за руки двух девочек, закутанных в бархатные шубки. Одна из девочек вдруг подняла голову и застенчиво улыбнулась улыбочкой нищенки из благородных.

Перехватив взгляд, мать дёрнула её за руку и быстро сказала что-то по-французски. Девочка опустила голову:

– Да, мама.

– Мама, мама, – залепетала Капа на руках у Фаины. И тут Фаина остановилась.

«Боже, Боже, – что я делаю? – Она посмотрела на крест храма в тусклом осеннем золоте. – Да ведь я украла ребёнка!»

Она посмотрела на Капу и закусил губу. Тараща глазёнки, Капа сидела тихо, как мышка, теребя пальчиками воротник Фаиной душегрейки. Фаина сделала несколько шагов вперёд. Там, за поворотом, её дом, где найдётся пара поленьев протопить печурку и несколько ложек крупы, чтобы сварить кашу.

Подув на свои пальцы, она проверила, достаточно ли теплы руки у Капы. Ладонки были холодные, и она обмотала их шарфом.

– Понимаешь, кроме меня ты никому не нужна. Не бойся, я тебя больше не отдам. А ещё нам с тобой предстоит разыскать Настюшу. Я знаю, ты памятьная и помнишь свою молочную сестрёнку, – сказала она Капе. Та важно кивнула головой и попыталась поймать языком падающую снежинку. Вместо языка снежинка попала на кончик носа. Капа смешно поморщилась и чихнула.

* * *

В отличие от Фаины, чьё имущество вместилось в заплечный узелок, вещей у Матрёны набралось много.

Опершись спиной о дверной косяк, Ольга Петровна наблюдала за лихорадочными движениями крепких Матрёниных рук, с завидной сноровкой набивающих два огромных баула из льняных холстин. Первым на дно баула лёг отрез сатина, за ним отправился свёрнутый в скатку китайский халат, шитый драконами, какие-то мелочи типа батистовых панталон прошлого века, явно купленных с рук у обедневшей аристократки. В складки одежды Матрёна закопала коробочку духов Брокарда и пару тонкостенных чашек с блюдцами.

«Если бы у меня был наган, я бы её застрелила», – с резкой злостью подумала Ольга Петровна, ощущая нервную дрожь в груди.

Бить её ребёнка было равнозначно издевательству над ней самой, и от пережитого унижения хотелось прямо на месте растерзать эту мерзкую бабу с красным лицом и трясущимися щеками, около которых мотались дугие серьги-кольца цыганского золота.

Не поднимая головы, Матрёна перекинула через плечо лакированные ботинки, связанные за шнурки, и в тяжёлом молчании двинула к двери.

– Прощевайте, барыня.

Последнее слово было произнесено с явной издёвкой.

Барыня? Это она-то, которая с утра до ночи на службе, порой успевая за день выпить лишь чашку чаю с дешёвой карамелькой! Вчера, например, с ног сбивалась, рассылая директивы Всероссийского продовольственного съезда во главе с комиссаром продовольствия товарищем Шлихтером.

В голове Ольги Петровны вспыхнули и поплыли огненные круги. Первый удар пришёлся по лаку ботинок на шее Матрёны, но не достиг цели. Ольга Петровна вскинула руку во второй раз, но Матрёна легко перехватила её мощной дланью и ловко выкрутила назад, понуждая согнуться в три погибели.

От боли и ненависти у Ольги Петровны перехватило горло, и она глухо засипела слова проклятия.

Матрёна усмехнулась:

– Так-то, барыня, будет лучше. Закончилась ваше время. Теперя народ над вами верх держит. Ты думаешь, что раз в Советах работаешь, то ты власть? Ошибаешься! Власть ты, пока с наганом да с охраной, а без них – обычная баба.

Легонько оттолкнув поверженную Ольгу Петровну, Матрёна подобрала брошенный на пол тюк и неторопливо стала спускаться вниз по лестнице.

– Тварь! – стоя на коленях, провела Ольга Петровна. – Тварь! Не забуду, не прощу! Вызову патруль, арестую, в бараний рог согну!

– Ха-ха, – коротким выстрелом прогромыхало в ответ с первого этажа. – И не таких начальников видели!

Нет, Ольга Петровна не была обижена – она была уничтожена и растоптана. Подвывая раненой собакой, она кое-как добралась до прихожей и рухнула на продавленный пufик, который ещё до революции собирались сдать в ремонт, да никак руки не доходили. То плотник был в запое, то времени не хватало. Зеркало тускло отразило бледный овал лица с растрёпанными

волосами и мокрыми щеками. Ольга Петровна посмотрела на телефон. Наверное, надо позвонить Кожухову, рассказать, что на неё совершено нападение. Задержать гадину, расстрелять, сгноить в подвале Чрезвычайки. Товарищ Бокий постарается ради товарища.

Дрожащими руками она кое-как заколола волосы. Нет, звонить нельзя. По комиссариату поползут нелепые слухи. Она представила, как машинистки перешёптываются ей в спину и подмигивают, слышали, мол, неприступную товарищ Шаргунову избил неграмотная нянька её малолетней дочки?

Ольга Петровна внезапно вспомнила про Капитолину и поднесла к губам скрюченные пальцы, чтобы заткнуть крик. Ребёнок пропал?! Как же она забыла главное! Чувство раскаяния подняло её с места. Пошатываясь, Ольга Петровна поплелась в детскую, роняя на ходу шпильки из отросших за год волос. В последний раз она заглядывала в угловую комнату с месяц назад, когда у Капитолины резался зуб и та всю ночь металась в жару.

– Идите, Ольга Петровна, отдыхайте, – пропела Матрёна, оборачивая Капитолину в мокрую ткань. – У детей это обычное дело. К тому же зуб вот-вот вылезет, я уже и ложкой стучала.

Тогда она закрыла дверь и спокойно ушла с чувством, что ребёнок в надёжных руках, а теперь с ужасом подумала, что из сотни девочек одного возраста не смогла бы признать свою родную кровинку.

Ольга Петровна взяла из детской кроватки розовые пинетки с помпонами и поднесла к глазам. Точно такие же пинетки вязала для неё крёстная – кока Надя. Когда ножка выросла, мама надела пинетки на большую куклу, и они прожили ещё двадцать лет.

Ольга Петровна попыталась представить коку Надю и её звонкий дискант, выкликающий:

– Олюшка, Олюшка, беги скорее на веранду, посмотри на новую подружку! Только осторожно, не спугни. У неё пёстрые крылышки и длинные усики. Угадай, кто к нам прилетел?

Зажатой в кулаке пинеткой Ольга Петровна вытерла вспотевший лоб. Может быть, та детская радость при виде мотылька и есть высшая истина, в которой заключена правда жизни? Не абстрактное народное счастье, в кое приходится загонять людей штыками и пулями, а простое и ясное, как Божий день, счастье просыпаться и видеть небо над головой, слышать шорох травы и голос ребёнка?

«Что теперь делать? Где искать Капитолину?»

Ольга Петровна не сомневалась, что с Фаиной девочка в безопасности, и это помогало привести мысли в порядок. Склонив голову, она несколько раз глубоко вздохнула. То ли крик, то ли стон, застрявший глубоко внутри, царапал пересохшее горло. Согнувшись в дугу, Ольга Петровна потащилась на кухню глотнуть воды, но в этот момент зазвонил телефон.

Машинально сняв трубку, Ольга Петровна прокашлялась:

– У аппарата.

– Оля, – после пережитого кошмара слова Кожухова прозвучали мягко, почти нежно, – я выслал за тобой машину. Приезжает товарищ из Московского ЦК, будем решать вопрос обороны Петрограда. Мне необходимо иметь своего человека на заседании.

Прежде чем ответить, Ольга Петровна поправила скромную брошь, скальвавшую концы воротничка, и уже ровным тоном сказала:

– Да, Савелий. Я непременно буду.

Обратно домой Ольга Петровна вернулась уже под утро и долго возилась с керосиновой лампой, потому что электричества не было давно, ещё с начала осени. Воды ополоснуть руки тоже не нашлось. Она видела разорванные ключья труб в парадных, но не придавала особого значения отсутствию воды, потому что дома о хозяйстве заботилась няня, а в исполкоме водопровод исправно работал. Наверное, теперь придётся приносить воду самой. Интересно, откуда?

Обнаружив в чайнике остатки холодной воды, Ольга Петровна подумала, что ради чаю придётся растопить печку. Подумав о горячем, она обнаружила, что в квартире стоит ледяной

холод, а сама она начинает подмерзать, несмотря на тёплое суконное пальто, добротное подбитое лисьим мехом.

Голова гудела, отдаваясь болью в висках. Она настолько вымоталась, что едва слушала речь председателя Реввоенсовета товарища Иосифа Давыдовича Троцкого, который истерично настаивал на активных действиях против генерала Юденича. Зиновьев при этом выглядел явно растерянным и то и дело бросал тревожные взгляды на товарища Кожина и Ольгу Петровну.

– Зиновьев ждёт поддержку, хочет переложить ответственность на чужие плечи, – уголком рта шепнул Кожин, – но Йося прав, надо рубить сплеча и не оглядываться назад.

– Затруднением для нас является право прибежища Юденича в Финляндии! – кричал Троцкий. – Мы должны организовать сильные духом рабочие коммунистические отряды и бросить их в гущу борьбы. Сейчас нет места расхлябанности и нерешительности. Вперёд и только вперёд, без жалости крушить белогвардейцев нашим революционным кулаком!

Сняв с плиты холодный чайник, Ольга Петровна попила из носика, потому что не оставалось сил потянуться за стаканом.

«Да что же это со мной? – вяло подумала она, пробиваясь сквозь нарастающий шум в ушах. Дышать вдруг стало трудно и больно. – Неужели испанка?¹⁸ Тогда смерть. Смерть...»

Ольге Петровне стало жутко, но не от страха смерти, а оттого, что не отпоют на похоронах. Зароют в стылую землю, выстрелят салютом над свежей могилой, а потом протяжно, с волчьей монотонностью прорыдают «Мы жертвою пали в борьбе роковой!»

И никто не проронит ни слезинки. Никто.

Господи! Не допусти.

Засуетившись, Ольга Петровна стала копаться в карманах пальто в поисках клочка бумаги – написать последнюю волю, потом вспомнила про бювар с почтовыми листами и пошла в комнату. Перед глазами плыли радужные круги.

– Нет-нет, только не это! Я не хочу умирать как коммунистка, хочу по-людски, по-христиански.

Дверь в комнату оказалась закрытой. Из последних сил Ольга Петровна несколько раз дёрнула за ручку, а потом медленно осела на ледяной пол и закрыла глаза.

* * *

Вокруг преобладали синие тона, изредка подкрашенные тёмно-лиловым оттенком, похожим на одеяло в спальне. Было очень жарко, и хотелось пить, но губы запеклись жжёной коркой, и Ольга Петровна никак не могла их разомкнуть. Откуда-то сверху она слышала тонкий звук колокольчика и голос мужа, который терпеливо повторял её имя:

– Оля, Оля, иди за мной.

Она подала ему руку, ставшую невесомой, и внезапно очутилась на выпускном балу в гимназии. Тогда мама в первый раз позволила украсить наряд тонкой ниткой жемчуга. Она надела бусы под кружевной воротник. И хотя жемчуг был не виден, Ольга Петровна всё равно считала себя самой нарядной девушкой в классе.

– Оля, Оля, Ольга Петровна, – снова зазвучало извне, перебивая плавное течение мыслей. Когда на лицо хлопнулось что-то холодное и мокрое, Ольга Петровна сумела разлепить веки. Оказывается, уже наступил рассвет и в полутьме коридора смутно виднелись силуэты людей. Когда по лбу и щекам снова проехалось влажное полотенце, она попыталась приподняться.

¹⁸ *Испанский грипп, или «испанка», вспыхнувший в 1918 году, был самой массовой пандемией гриппа за всю историю человечества и унёс около 100 млн жизней.*

– Очнулась! – радостно произнес мужчина, в котором она с трудом узнала Савелия Кожухова. – Я уж было думал, что потерял боевого товарища. Поживём ещё, Оленька! У нас много дел впереди. А сейчас в больницу, в больницу, и не спорь.

Спорить Ольга Петровна не смогла, даже если бы захотела, и безропотно позволила подхватить себя на руки.

– У неё жар, горит вся, – пробормотал кто-то рядом с Кожуховым, – надо бы кислым морсом попоить.

– Всё сделаем, не беспокойся, – с пыхтением отозвался Кожухов. – А тебе большое спасибо. Вовремя появилась. Ты здесь останешься?

– Нет, к себе пойду, – ответил смутно знакомый женский голос, – не хочу по чужим углам околачиваться.

Ольга Петровна прометалась в жару три недели. Очнулась, когда в окно застучали весенние капли первого дождя. Словно смывая остатки болезни, дождь принёс облегчение и отменный аппетит. Спасибо товарищам из Петросовета за усиленный паёк по болезни. Очищая яйцо или намазывая маслом ноздреватый клейкий хлеб, она ловила себя на мысли, что руки трясутся от нетерпения поскорее затолкать еду в рот. Организм брал своё, и, едва поднявшись на ноги, она запросилась на выписку.

– Мало того, что голод, холод, так ещё и эта проклятая испанка людей косит, – сказала Ольге Петровне сестра милосердия, провожая её к выходу, – прямо «Десять казней египетских». Вы выжили, потому что питались хорошо и организм не ослаблен. Да ещё в отдельной палате лежали. А другим что прикажете делать? – она кивнула головой в сторону длинного коридора, где вдоль стен лежали люди, которым суждено в ближайшие сутки стать покойниками.

Полупрезрительная интонация сестры и дерзкий взгляд извещали Ольгу Петровну о том, что, по мнению сестры, в эпидемии испанки виновата она лично, как представитель новой власти.

– Я не знаю, – сказала Ольга Петровна.

Проигнорировать вопрос и промолчать не получалось, потому что именно эта сестра выпаивала её с ложечки и меняла нижнее бельё, перепачканное нечистотами.

Сестра усмехнулась:

– Не знаете, а декреты выпускаете. – Она постучала пальцем по листку газетной бумаги на стене.

Ольга Петровна опустила голову:

– Мне пора, меня ждёт машина. Спасибо вам за всё.

Про машину упомянула, чтоб скорее уйти и не продолжать тягостный разговор, полный обидных намёков. Но у больничной проходной и впрямь стояла машина с развесёлым шофёром Васей в неизменной кожаной кепке.

– С выздоровлением, товарищ Шаргунова! Куда прикажете? Вам тут товарищ Кожин записку передал. Сказал, что от вашей спасительницы.

Мельком взглянув на ровную строчку, старательно выписанную крупным детским почерком, Ольга Петровна скомандовала:

– Едем в Свечной переулок, дом семнадцать.

Машина катила по пустынным улицам с редкими пешеходами. Навстречу прогромыхало несколько подвод, а возле столовой номер один змеилась длинная очередь людей с бидончиками и плошками.

«Ах, да, с месяц назад вышла директива Петросовета, что все жители на шесть рублей пятьдесят копеек имеют право получить обед из одного блюда», – вспомнила Ольга Петровна.

– Знаю я эти обеды, – пробурчал Вася, словно подслушав её мысли, – моя мамаша приносит. Вода и картофельные очистки без соли. Я ей говорю: вылей эту бурду, мамаша, у меня

паёк есть. Так ведь нет! Хлебают, а к моему запасу не притрагивается. Говорит – как народ, так и я. С норовом тётка! Железная!

– Ничего, ради большевистской идеи можно несколько лет претерпеть лишения, – дежурно ответила Ольга Петровна, хотя теперь, после больницы, была совершенно не уверена: а надо ли было тысячами морить народ ради неясного светлого будущего. Ведь тех, кто погиб, уже не ждёт никакое будущее, ни светлое, ни тёмное. И дети у них не рождаются, и старики не состарятся. Неужели прав был покойный Василий и вся эта фантазмагория произошла от дьявольских помыслов и жажды власти?

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Ольга Петровна стала смотреть на стены домов, тёмных от сырости. Несмотря на ранние сумерки, свет в окнах не зажегся, мрачно отсвечивая тёмными стёклами. На улице Марата, бывшей Николаевской, Вася пропустил на повороте похоронные дроги. Покосился на Ольгу Петровну и перекрестился:

– Господи, спаси и сохрани.

Отвернувшись – на покойников в лазарете насмотрелась, Ольга Петровна скользнула взглядом по фасаду дома издательства «Шиповник», затянутому огромным полотнищем революционного лозунга: «Пролетариату нечего терять, кроме собственных цепей. Завоюет же он весь мир». Некоторые буквы были заляпаны рыжими пятнами ржавчины, получалось: «Завоюет же весь мир».

Ольга Петровна вздохнула. Прежде она могла бесконечно любоваться городскими пейзажами. Прежде... Пожалуй, слишком часто за последнее время в мысли стало вторгаться это теребящее душу словечко – «прежде». К прошлому нет возврата. Как любит повторять Владимир Ильич: вперёд и только вперёд, под руководством партии большевиков.

* * *

– Сейчас мы будем есть кашку, – сообщила Фаина, усаживая Капу на стол, застеленный зелёной плюшевой скатертью с бахромой.

От радости Капа заболтала ножками и засмеялась, показывая два верхних зуба. Она любила сидеть на столе, откуда хорошо были видны разные статуэтки на комод. Особенно её завораживал абажур настольной лампы, набранный из разноцветных стёклышек в тонкой металлической оправе. Если Капа капризничала, то Фаина ставила перед ней лампу, и ребёнок немедленно угомнялся. Ещё Капе нравилось тянуть в рот костяного болванчика с хитрыми узкими глазами и играть крышкой серебряной спичечницы, в которой давно не было спичек.

Чтобы быстрее остыло, Фаина помешала ложкой в тарелке и подумала, что на завтра, на послезавтра и послепослезавтра осталась всего пара ложек крупы. Если срочно не достать продуктов, Капа останется голодной. О себе Фаина не беспокоилась – ей было не привыкать к лишениям, а ребёнку не объяснишь, почему в кастрюле пусто. Счастье, что недавно удалось выменять пару кочанов капусты на какого-то фарфорового пастушка. Если запарить листья кипятком да покрошить хлеба, то получится настоящая тюрка, какой на Руси перебивались в голодные годы. Бывало, когда отец запьёт, так они с мамой только тюркой и спасались. Покрошит мама мякиша в пшённую болтушку, капнет льняного масла, чтоб посытнее было, да скажет:

– Ешь, Файка, что Бог послал.

А сама сядет, подопрёт щёку рукой и смотрит долгим взглядом, будто наперёд знает, какое тяжёлое бремя выпадет на долю дочери.

Первое время после ареста хозяина Фаина существовала посреди множества мелочей, подобно хрустальным вазочкам, фарфоровым статуэткам, медным фигуркам, у которых из спины торчало несколько пар рук, и всяких прочих штучек, которые боялась сдвинуть с места. Менять вещи на продукты она начала лишь тогда, когда окончательно поняла, что Мартеньян

Григорьевич сгинул без возврата. Если бы не хозяйское добро, она бы не выжила. И всё же, каждый раз расставаясь с чужим, она считала себя воровкой, а после шла в церковь и горячо молилась за упокой грешной Мартемьяновой души, что, без сомнения, наблюдала за ней с небес с неммым укором.

Нынче все жители Петрограда были разделены на три категории: по первой категории шли рабочие, старики и дети до четырнадцати лет. Им полагалось по фунту хлеба в день и фунт соли и сахара раз в месяц. Ко второй категории относились совслужащие, они тоже получали фунт хлеба, но соли и сахару половину. Третья категория – все остальные. Они получают фунт хлеба и больше ничего. Красноармейцам и партийцам изредка прибавляли в паёк варенья, солёных огурцов или икру.

Магазины закрыты, торговля уничтожена. Много купцов расстреляно и сидит по тюрьмам. Купить еду можно только на рынке или очень осторожно на квартирах у спекулянтов.

На рынок надо ходить с оглядкой, потому что Советы ежедневно делают облавы: оцепляют чекистами рынок, отбирают купленное и всех попавших под руку отправляют на принудительные работы, не считаясь с возрастом и здоровьем.

Третьего дня Фаина с Капой на руках едва ноги унесла с Кузнечного рынка. Слава тебе, Господи, мир не без добрых людей. Их выпустил через боковую дверь совсем молоденький чекист с нежной щетинкой усов над верхней губой. С напускной суровостью рявкнул: «Марш отсюда, пока не заарестовал!» Дважды ему повторять не пришлось. Бежала до дому так, что только мешок с капустой по спине стучал.

– Ням-ням, – напомнила о себе Капитолина.

Краешком губ Фаина попробовала, не горяча ли каша, и принялась кормить, приговаривая:

– За Ангела Хранителя, за папу, за Настеньку.

Она раз и навсегда расположила их в таком порядке: Ангел Хранитель, Василий Пантелеевич и пропавшая Настенька. Пробовала было сказать Капитолине ложку за маму, но язык не повернулся упомянуть Ольгу Петровну. От одной мысли о ней руки начинали замедлять движение, зависая в воздухе.

Звонок в дверь раздался вместе с последней ложкой – за серого зайку в лесу.

Отставив тарелку в сторону, Фаина сгребла Капитолину в охапку. Наверняка это Домкомбед пришёл стогнать на трудработы, хотя, сказать по чести, её пока не трогали. Председатель Фёдор Тетерин заходил пару раз, стоял в дверях, мял фуражку, спрашивал, не надо ли помочь мужской силой, но о расчистке улиц или мытье лестниц не заикался. Правда, вчера задержал её во дворе и сказал, что есть серьёзный разговор.

Фаина настолько уверилась в приходе Тетерина, что отпрянула, когда в дверном проёме увидела совсем другое лицо – решительное и очень бледное.

– Позволь войти?

Пропуская Ольгу Петровну, Фаина посторонилась и теснее прижала к себе Капитолину.

В ледяном холоде полутёмного коридора Ольга Петровна безошибочно угадала направление к единственному тёплому углу и прошла вперёд, громко стуча каблуками по натёртому паркету. Зайдя в комнату, она резко повернулась, так что Фаина едва не наткнулась на её плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.